

Гранада после 1492 года

Адиля Юлгушева

Введение

2 января 1492 года территории и население Гранадского эмирата династии Насридов официально переходят под власть католических правителей. Присоединение Гранады знаменует начало новой эпохи, в которой Кастильская корона занимает новое положение среди ведущих держав Западной Европы, положив конец существованию последнего мусульманского государства на Пиренейском полуострове. Меняется конфигурация политических сил христианского Запада, меняется жизнь побежденных: земли Гранадского эмирата и его население в этих обстоятельствах вступают в переходный период, становясь свидетелями коренных преобразований, которые затрагивают административную, военную, религиозную, социальную и культурную сферы. Разделяя судьбу побежденного народа, трансформацию претерпевает и сам город, как его физическое пространство, так и его мифический образ.

Настоящее исследование знакомит читателя с финальным этапом истории Гранадского эмирата, с тем периодом, который стал поворотным в жизни мусульманского населения Пиренейского полуострова. Рассматриваемый отрезок времени современный испанский историк А. Галан Санчес характеризует как «столь краткий, однако фундаментальный эпизод для понимания не только внутренней истории юго-запада полуострова, но также истории Пиренейского полуострова и даже истории Европы»¹.

Хронологические рамки исследования охватывают события, происходившие накануне 1492 года и в последующее за ним десятилетие. Однако для лучшего понимания тех драматических событий в начале мы кратко изложим обстоятельства, которые привели в упадок мусульманский эмират и приблизили его к неминуемому финалу.

Далее в ходе исследования мы обратимся к договору о капитуляции, подписанному в конце 1491 года последним эмиром Гранады незадолго до осуществления передачи города христианам, рассмотрим предоставление мусульманскому населению эмирата статуса *мудехаров*² и те изменения в жизни побежденного народа, которые повлекло за собой кастильское завоевание. Судьбе мусульман будет уделено особое внимание в контексте процесса переустройства, последовавшего за присоединением эмирата и затронувшего административную, религиозную, социальную, культурную и другие области. Мы отметим все основные этапы, свидетелями которых оказались мусульмане в рассматриваемый период, в числе которых эмиграция, репопуляция – заселение территории христианами, сегрегация, ассимиляция и другие, а также исследуем вопрос непростого сосуществования мусульман с католиками в новых обстоятельствах. Далее мы рассмотрим последовательные нарушения условий договора со стороны христиан, которые повлекли за собой восстание мусульман в 1499 году, что привело к принудительному обращению мусульман в католицизм, начиная с 1500 года. На основании мусульманских и христианских первоисточников, а также современных исследований, мы обратим внимание читателя на то, каким образом происходило постепенное превращение мусульманского мира Гранады в христианский, и представим

---

¹ Galán Sánchez, 2000, p. 525.

² Испанское слово *мудехар/mudejar* произошло от арабского *мудаджжан*, что переводится как прирученный, одомашненный. Испанский термин относился к мусульманам, которые проживали на территории Пиренейского полуострова под христианской властью.

вниманию читателя меры, предпринятые новым руководством для осуществления преобразований в административной и социокультурной сферах. Рассматривая события того времени, мы проанализируем последствия процессов, которые были запущены сразу после капитуляции, уделяя основное внимание их влиянию не только на общество, но и на судьбу сдавшегося города, столицу последнего мусульманского эмирата. Таким образом, оказавшись перед сценой, на которой разворачивались события, перед самим городом Гранада, судьба которого была неотделима от судьбы его жителей, мы попытаемся обнаружить в городской структуре следы происходивших тогда преобразований, которые меняли как материальный облик, так и нематериальный образ города, обозначим трансформацию, которую претерпевало физическое и мифическое пространство города.

Статья исследования носит историко-дескриптивный характер, целью автора являлось проследить за событиями в последовательном повествовании истории без конкретного причинно-следственного или иного анализа событий.

Часть I **ФИНАЛ ПОСЛЕДНЕГО МУСУЛЬМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ПИРЕНЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ**

1. Гранада накануне падения

Просуществовав более двух с половиной веков, Гранадский эмират с его правящей династией бану Наср (Насриды) продлил насколько это было возможным существование на территории Пиренейского полуострова мусульманского государства ал-Андалус: «только этот город, опоясанный горами, мог обеспечить убежище, которое должно было позволить испанскому исламу просуществовать столь долго, сколько он просуществовал»³.

«В действительности существование Гранадского эмирата с самого начала было ненадежным»⁴; падение эмирата было предопределено многими факторами, как внешними, так и внутренними, а также сами обстоятельства, при которых возник Гранадский эмират, могли с большой долей вероятности предсказать судьбу этого мусульманского государства.

Основатель династии Насридов Мухаммад б. Йусуф [б. Мухаммад] б. Наср б. Ахмад б. Мухаммад б. Укайл б. Наср б. Қайс б. Са'д б. 'Убада ал-Ансари ал-Хазраджи⁵, (предком которого был сподвижник Пророка из числа *ансаров*, лидер кахтанитского южноаравийского племени бану хазрадж в Медине Са'д б. 'Убада), одержал политическую победу над своим противником Ибн Худом и провозгласил себя эмиром в 1232 году. В 1238 году он торжественно вступил в город Гранада, которую избрал столицей, где принял почетный титул-*лакаб ал-Галиб би-Ллах* (Победитель с помощью Аллаха).

С самого дня своего возникновения это мусульманское государство было связано вассальными отношениями с Кастилией: подписанный в 1246 году Хаэнский пакт между Фердинандом III и Мухаммадом I определял условия существования Гранадского эмирата, который обязывался выплачивать Кастилии ежегодную дань и предоставлять военную поддержку в обмен на официальное его признание политическим образованием⁶.

---

³ Harvey, 1990, с. 22.

⁴ Chejne, 1993, с. 91.

⁵ Boloix Gallardo, с. 40.

⁶ Boloix Gallardo, с. 43; Torres Delgado, 1993, с. 750.

Отношения Насридов с христианскими правителями не были одинаковыми на протяжении всей истории существования эмирата, периоды стабильности нередко сменялись конфронтацией и противостоянием.

К концу XV века, вдохновленные военными успехами и идеей восстановления католицизма на всем Пиренейском полуострове, христианские монархи объединили свои усилия для достижения окончательной победы. Продлившаяся с 1481 по 1492 годы, Гранадская война, по мнению христиан, “движимая божьей волей”, завершилась победой католиков и привела к исчезновению последнего оплота мусульман в Западной Европе⁷. Следует сказать, что до рассматриваемого нами периода христианские монархи не предпринимали окончательного похода против своих мусульманских соседей и не были готовы сражаться с ними до победы, поскольку их сдерживал ряд факторов, в числе которых значилась внутренняя нестабильность самой Кастилии. Обстоятельства изменились, когда Фердинанд и Изабелла, будущие Католические короли⁸, объединив свои силы, решили проблемы наследования и упрочили власть над своими подданными. Как сообщают исследователи, в войне против Насридов христианские монархи так же усматривали возможность разрешения своих внутренних проблем, поскольку это предприятие в силу предсказуемых материальных выгод позволяло удовлетворить за счет врага амбиции кастильской знати⁹, чтобы, будучи поглощенными войной, ей не представилось возможности подготовить заговор против монархов¹⁰. Таким образом ликвидация эмирата Насридов была одновременно средством и следствием восстановления суверенной власти христиан¹¹.

Военные действия католиков имели под собой как идеологические, так и практические основания: завоевание Гранады представлялось как крестовый поход против “*мавров, врагов нашей святой католической веры*” и вместе с тем носило территориальный интерес, который оправдывался как восстановление или отвоевание территории; также следует учитывать, что в это время в Кастилии, как и в других районах Европы, получили распространение новые политико-идеологические тенденции, обосновывавшие необходимость этнической и религиозной однородности подданных, в связи с которыми власти выступали за единство верований как одного из необходимых инструментов построения абсолютного и централизованного государства, где сосуществование с исламом уже представлялось невозможным¹².

В то же самое время лидеры династии Насридов придавали гораздо большее значение своим внутренним разногласиям, а гражданская война оставалась хронической болезнью эмирата на протяжении последнего века его существования: так в период с 1417 до 1492 годы на гранадском троне сменилось одиннадцать эмиров, правление одних из них длилось несколько месяцев, или даже несколько недель, другие были свергнуты по четыре раза, столько же раз снова приходили к власти, иногда два или три эмира правили одновременно¹³.

Таким образом, те обстоятельства, которые переживал Гранадский эмират на финальном этапе своего существования, отражали глубокую внутреннюю нестабильность государства и благоприятствовали заключительному этапу кастильского завоевания, инициированного христианскими королями. Эмират становился все слабее ввиду

---

⁷ Torres Delgado, 1993, с.757, 767.

⁸ Reyes Católicos

⁹ Cortés Peña, 2004, с. 34.

¹⁰ Vilar Sánchez, 2004, с. 45; Peinado Santaella, López de Coca Castañer, 1987, с. 280.

¹¹ Baloup, с. 445.

¹² Cortés Peña, 2004, с. 35.

¹³ Vilar Sánchez, 2004, с. 26.

социальных кризисов и народных волнений, проблемы внутри династии сопровождались дворцовыми интригами, соперничеством между могущественными кланами и давлением со стороны религиозных деятелей¹⁴. Период, предваряющий интересующие нас события, был отмечен проблемами престолонаследия, которые вылились в борьбу за власть между тремя претендентами на трон: это были Абӯ ‘Абдаллāх Муḥаммад XI¹⁵, его отец Абӯ-л-Ḥасан ‘Алī¹⁶ и его дядя Муḥаммад XII б. Са‘д аз-Загал, представлявшие собой неустойчивый треугольник власти, который привел эмират Насридов к его концу¹⁷. Интересно, что все трое избрали для себя почетный *лақаб ал-Гāлиб би-Ллāх*, выразив явное намерение ассоциировать себя с основателем династии Муḥаммадом I¹⁸. Это противостояние естественным образом ослабляло эмират, как следствие, раздираемое внутренними противоречиями государство оказалось слишком хрупким перед давлением христиан, усилившихся благодаря их объединению, целеустремленности и четко сформулированной идеологии.

Рассмотрим этот период подробнее. Возвращаясь к начальному периоду правления Мулей Хасена, следует отметить, что данный этап был отмечен военными успехами, эмиру удавалось противодействовать христианам и отражать их нападения, умело используя существующие в Кастилии разногласия¹⁹. В «*Нубзат ал-‘аср*» сообщается, что это был период процветания и относительной стабильности эмирата²⁰, который, однако впоследствии сменился на свою полную противоположность. Анонимный автор привлекает внимание к следующему эпизоду: в 1478 году Мулей Хасен устроил военный парад, который должен был явиться выражением успеха его власти, как считается, для того чтобы произвести впечатление на своих подданных и настроить их на принятие необходимости повышения налогов²¹. Посмотреть на парад собрались толпы народа, но сильная буря и наводнение, случившиеся в день *махраджāн*, в последний день парада, повергла людей в панику, потоки воды сметали все на своем пути, люди пребывали в ужасе. Анонимный автор пишет, что о дне, подобном тому, не слышали и старики, и со времени этого великого наводнения правление эмира начало регрессировать и приходит в упадок²².

Интересно, что все источники, сообщая о том великом наводнении, считают его роковым моментом в правлении эмира Мулей Хасена²³; Эрнандо де Баэса²⁴ в своей хронике упоминает также о комете, которая, по мнению астрологов, предвещала тяжкие бедствия для всех²⁵. Мы знаем, что гранадское общество жило в ожидании того, что должно произойти что-то неизбежное, отражение настроений той эпохи мы можем найти в литературных произведениях того времени. Таким образом, та природная катастрофа явилась предвестником катастрофы политической²⁶, великое наводнение стало переломным моментом, поэтому оно так подробно описано в исторических источниках. Вероятно, анонимный автор «*Нубзат ал-‘аср*» был свидетелем и видел все происходящее

---

¹⁴ Torres Delgado, 1993, с. 758.

¹⁵ Боабдил/Boabdil в испанских хрониках, от Абӯ ‘Абдаллāх.

¹⁶ Мулей Хасен/Muley Nasen в испанских хрониках, от Мавлā Ḥасан.

¹⁷ Boloix Gallardo, с. 63.

¹⁸ Peláez Rovira, с. 81-82.

¹⁹ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 277.

²⁰ *Нубзат ал-‘аср*, с. 2-3.

²¹ López de Coca Castañer, 2005, p. 35.

²² *Нубзат ал-‘аср*, с. 5; Ženka, 2017, с. 275; Peinado Santaella, López de Coca Castañer, 1987, с. 278-279.

²³ Ženka, 2017, с. 277.

²⁴ Hernando de Baeza.

²⁵ López de Coca Castañer, 2005, с. 35; *Relación de Hernando de Baeza sobre el Reino de Granada*, с. 75-77.

²⁶ Peinado Santaella, 2005, с. 466.

своими глазами, он сообщает нам, что вскоре ухудшилась политика Мулей Хасена, который *совершил множество других дел, при которых не устоит государство*²⁷.

Люди были недовольны правлением Мулей Хасена не только вследствие его неразумного применения своей власти, как сообщает анонимный автор, он *предавался страстям, развлекался с женщинами и певицами, оставался спокойным и беспечным, растерял войска, повысил налоги в стране, обложил пошлинами рынки*, способствовал ослаблению государственной армии²⁸, причиной, которая в еще большей степени способствовала развязыванию борьбы за трон и привела к разделению народа на сторонников Мулей Хасена и сторонников его сына Боабдила является оставление им законной супруги и двоюродной сестры ‘А’ишы ради своей христианской наложницы, нареченной в исламе Сурайя²⁹. Эти отношения с наложницей еще больше омрачили репутацию эмира³⁰, сильное влияние, которое Сорайя оказывала на Мулей Хасена, побудило его преследовать своих сыновей от первой жены, Мухаммада XI и Йусуфа, и благодетельствовать тем детям, которые у него были с Сорайей, Са‘ду и Насру³¹. Опасаясь своего отца, Боабдил со своим братом Йусуфом в 1482 году бежали в Гуадикс.

Ранее в 1481 году Гранада нарушила шаткое перемирие, заключенное с христианами, вернув себе в вооруженной борьбе город Захара; за этой эфемерной победой на следующий год последовала ответная мера, когда кастильцы завоевали город Алхама: попытки Мулей Хасена вернуть Альхаму не увенчались успехом, таким образом было положено начало Гранадской войне³². В это время, воспользовавшись отсутствием Мулей Хасена в столице, Боабдил вернулся в Гранаду, где пришел к власти, свергнув отца в результате заговора³³. Согласно хронике Элии Капсали³⁴, молодой лидер спросил у знати столицы, хотят ли они, чтобы он управлял ими или чтобы это продолжал делать сумасшедший старик, взявший вместо жены отвратительную рабыню³⁵.

Так в 1482 году началось первое правление Боабдила, которое продлилось до апреля 1483 года, когда, пожелав добиться военной победы, не хуже той, что его родственники в ходе войны одержали в Ахаркии, и подтвердить доверие, которое оказали ему жители Гранады, присягнув ему,³⁶ эмир Боабдил попал в плен во время битвы при Лусене (Кордова)³⁷.

В то время как победа в битве при Ашаркии и пленение Боабдила позволили в 1483 году Мулей Хасену вернуться в столицу при поддержке своего брата аз-Зағала³⁸, плененный Боабдил, не имея выбора, был вынужден заплатить высокую цену, чтобы выкупить свою свободу: он подписал смертный приговор Гранадскому эмирату, приговор, который должен был быть исполнен в течение десяти лет³⁹. Анонимный автор нам сообщает: «Самым возмутительным в этом поражении было пленение эмира Абū

---

²⁷ *Нубзат ал-‘аср*, с. 5.

²⁸ *Нубзат ал-‘аср*, с. 5; Boloix Gallardo, с. 64.

²⁹ В испанских источниках Сорайя/Zoraya. Torres Delgado, 1993, с. 768.

³⁰ Vilar Sánchez, 2004, с. 43-44.

³¹ Boloix Gallardo, с. 63; <https://dbe.rah.es/biografias/4817/abu-l-hasan-ali>

³² López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 76.

³³ Boloix Gallardo, с. 64.

³⁴ См. текст хроники Элии Капсали в Moreno Koch, Y. “La conquista de Granada y la expulsión de Sefarad según las crónicas hispanohebreas” // Actas del I Congreso de Historia de Andalucía. Andalucía medieval, II, Córdoba, Caja de Ahorros de Córdoba, 1978, pp. 329-337.

³⁵ López de Coca Castañer, 2005, с. 36.

³⁶ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 353

³⁷ Boloix Gallardo, с. 64.

³⁸ López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 76. Boloix Gallardo, с. 64.

³⁹ de la Granja Santamaría, 1999, с. 296.

‘Абдаллāха Мухаммада, потому что это стало причиной гибели родины»⁴⁰. Пакт с католическими монархами был подписан в Кордове в августе 1483 года, благодаря этому вассальному договору Боабдил вернул себе свободу в обмен на согласие платить ежегодную дань, обязательство освободить определенное количество христианских пленников и вмешиваться в войну против Мулей Хасена и его сторонников, он также передал своего единственного сына и десять других отпрысков, принадлежащих гранадским семьям, с гарантией того, что он выполнит то, что было согласовано⁴¹. Тем временем в Гранаде Мулей Хасен пытался подорвать репутацию своего сына и привлечь к себе его сторонников, прибегнув к религиозным чувствам людей: по его решению факихи Гранады предали осуждению Боабдила за нарушение им клятвы верности⁴², отрицая его право на трон⁴³: по своей воле или под принуждением религиозные деятели Гранады вынесли фетву, в которой осудили мятеж Боабдила, обвинив его в том, что он разжег огонь гражданской войны и заключил соглашение с неверными, договорившись с ними о своем освобождении⁴⁴. Изданная в Гранаде в октябре 1483 года, эта фетва еще в большой степени способствовала разделению гранадского общества⁴⁵.

Таким образом, гражданская война и соперничество между Боабдилом и его родственниками, которое территориально было закреплено в борьбе между Альбайсином⁴⁶ и Гранадой, усилили слабость в рядах мусульман: *горел огонь смуты между жителями Альбайсина и жителями Гранады, жар его усиливался, и враг, да уничтожит его Аллах, добился того, на что надеялся*⁴⁷. Второй период правления Боабдила продлился с 1487 до 1492 года. 30 мая 1486 года эмир подписал второй договор с католическими монархами — Лоховский пакт, главной целью которого была подготовка к сдаче столицы Гранады; третий договор был подписан в мае 1487 года с тем же обязательством⁴⁸.

Гражданская война и внутренние раздоры чрезвычайно благоприятствовали продолжению военных действий католических монархов с целью систематического овладения территорией Гранадского эмирата, христиане использовали все возможные средства, чтобы деморализовать его жителей⁴⁹. Исследователи убеждены, что именно возможность усиления разногласий среди представителей династии Насридов, которые облегчили бы продвижение кастильцев, была одной из причин того, что Боабдил был освобожден, когда попал в плен в битве при Лусене⁵⁰.

Таким образом, Гранадский эмират был истощен совокупным воздействием внешнего давления и внутренней борьбы⁵¹... Испанский исследователь сравнивает два противоборствующих лагеря не в пользу мусульман: лидеры Гранады, казалось, застряли в Средневековье, затерявшись в семейных и клановых группировках, устарели в своей военной мощи и, главное, не осознавали опасности, в то время как христианские вожди, напротив, уже ценили идеалы нового времени, полную преданность политике,

---

⁴⁰ *Нубзат ал-‘аср*, с. 12.

⁴¹ López de Coca Castañer, 2005, с. 37.

⁴² Torres Delgado, 1993, с. 770; Peinado Santaella, 2005, с. 468. <https://dbe.rah.es/biografias/4817/abu-l-hasan-ali>

⁴³ Latham, с. 1026.

⁴⁴ López de Coca Castañer, 2005, с. 37; Boloix Gallardo, с. 64.

⁴⁵ Ženka, 2017, с. 274.

⁴⁶ Альбайсин – предместье города Гранада.

⁴⁷ Torres Delgado, 1993, с. 772; *Нубзат ал-‘аср*, с. 20.

⁴⁸ Torres Delgado, 1993, с. 772.

⁴⁹ Torres Delgado, 1993, сс. 776-777.

⁵⁰ Quesada Morillas, 2008, с. 2.

⁵¹ López de Coca Castañer, 2005, с. 35.

устремленность взоров в будущее, укрепление себя в политическом и военном отношении⁵².

В ходе десяти лет Гранадской войны территория эмирата постепенно сокращалась, один за другим переходили в руки христианам города, сдавались крепости, к концу 1490 года от Гранадского эмирата остались только сама столица и ее округа⁵³.

2. Передача города

Несколько лет Гранадской войны и внутренняя нестабильность подорвали последние силы мусульманского эмирата. Католические монархи, поставив своей главной задачей избавиться от последнего оплота мусульманского присутствия на Пиренейском полуострове, заручившись благословением церкви и ее финансовой поддержкой, выполняли свою миссию: завоевание эмирата и самого города Гранада было “целью, к которой стремилась Изабелла, мистической судьбой, для воплощения в реальность которой она считала себя избранной”⁵⁴. В соответствии с тем, что было согласовано в 1483 году в Кордове, католические монархи ожидали мирной сдачи столицы Насридов, Боабдил же продолжал тянуть время, не желая выполнять обещанное до тех пор, пока Фердинанд не счел Кордовский пакт нарушенным⁵⁵.

В ходе десяти лет Гранадской войны соперники сражались друг с другом, с обеих сторон происходили нападения на крепости и завоевания поселений, которые сдавались христианам и восставали вновь, поддерживая Боабдила, в то же время соперничество с аз-Загалом все еще продолжало разделять гранадцев. Несмотря на то, что Боабдилу удалось одержать несколько побед над христианами, к 1491 году почти вся территория эмирата перешла к христианам, и теперь военные гарнизоны противника подошли к Гранаде и осадили ее. Обратимся за подробностями к Эрнандо де Баэса, который сообщает, что в течение нескольких месяцев посланники эмира вели переговоры с христианами в Кордове и Севилье, откуда вернулись *очень огорченными*, сообщив эмиру, что христиане не предлагают ему другого выхода, кроме полной капитуляции. Война продолжалась, и в апреле 1491 года христиане разбили военный лагерь вблизи столицы, который назвали Санта-Фе, откуда совершали атаки на осажденный город. Автор хроники сообщает, что война была настолько кровопролитной, что из 1250 всадников в Гранаде к моменту сдачи города осталось не более 150 человек⁵⁶.

Начавшаяся в апреле 1491 года осада столицы продолжалась в течение нескольких месяцев. Пока через Альпухарры в столицу эмирата подвозили продовольствие, мусульмане могли выигрывать время, хотя надежды на отпор неприятеля уже не оставалось. Однако, когда в связи со снежной зимой дорога для поступления провизии оказалась перекрытой, и жителям Гранады стал угрожать голод, пришлось признать необходимость принятия трудного решения, еще более трудным представлялось объявить об этом решении народу. Присутствие большого христианского воинского контингента, окружившего столицу эмирата, и непоколебимая воля Изабеллы и Фердинанда продолжать осаду до падения Гранады, продемонстрированная устройением вблизи города военного лагеря, заставили мусульман понять, что единственным возможным выходом будет сдаться на благоприятных условиях⁵⁷.

---

⁵² Vilar Sánchez, 2004, с. 47.

⁵³ Torres Delgado, 1993, сс. 766, 775; Latham, с. 1027.

⁵⁴ Vilar Sánchez, 2004, с. 43.

⁵⁵ Vilar Sánchez, 2004, с. 59.

⁵⁶ *Relación de Hernando de Baeza sobre el Reino de Granada*, сс. 23-24, 99-100.

⁵⁷ Vilar Sánchez, 2004, сс. 93-94.

Согласно арабским источникам, окончательное решение было принято на собрание эмира с приближенными. В ходе последовавших переговоров с христианами были согласованы капитуляции – условия, на которых сдавался эмират. В «Нубзат ал-‘аср»⁵⁸ сообщается, что собрались знатные и простые люди, религиозные и государственные деятели и те, кто оставался в городе из отважных рыцарей, предстали перед своим эмиром и осведомили его о тяжком положении, в котором оказался народ, о его слабости, о сильном голоде и скудости пропитания. Собравшиеся сказали эмиру, что *город велик, а пропитание не доставляется, и что дорога, по которой к ним приходили еда и фрукты из Альпухарр, отрезана, и что отважные рыцари погибли, а те, кто остался, ослабли от ран, что они больше не могут рассчитывать на полевые плоды и злаки, потому что люди, которые выращивали их, пали в боях. Поистине наши братья мусульмане из жителей Магриба... мы отправили к ним, но не пришел к нам ни один из них, и не сможем мы победить и спастись, а враг наш устроился рядом... сила его увеличивается, а в нас увеличивается слабость... Помощь приходит к нему из его земли, а мы же лишены всякого содействия... Сейчас пришла зима, и его силы, разрозненные и ослабленные, приостановили боевые действия, и, если мы сейчас вступим с ним в разговор, он примет нас и даст то, о чем мы просим; но если мы останемся в том же положении до наступления весны, он соберет свое войско, а мы будем в нашей слабости и малочисленности, и не примет он наших требований, и мы не сможем гарантировать безопасности ни наших людей, ни города... Уже перебежали к нему многие из нашего города и указывают ему на наши слабости, он обращается к их помощи против нас... И эмир ответил им: «Рассмотрите и выберите то, что по вашему мнению принесет вам большее благо». И согласились все и сановники, и простолюдины, отправить к королю христиан того, кто обратится к нему и сообщит об их положении и положении города... Далее анонимный автор сообщает, что многие люди считали, что эмир Гранады, его визирь и его вожди ранее договорились с христианским королем относительно сдачи города, но, опасались народа... они искали способ рассказать об этом народу, ожидая, что народ сам поймет и признает необходимость этого решения...⁵⁹.*

Ал-Маққарй⁶⁰ аналогичным образом описывает происходящее: на собрании с правителем речь шла о том, что *враг с каждым днем умножает свою силу, а нам нет никакого содействия, полагали мы, что он уйдет от нас в зимнее время, но были мы разочарованы в нашем предположении... враг же обосновался и укрепился вблизи от нас, позаботьтесь о себе самих и своих детях. Было единодушно принято мнение о выборе наименьшего из двух зол... Также как анонимный автор, ал-Маққарй сообщает, что люди говорили о том, что между христианами и главами отрядов уже произошел разговор о сдаче города из страха за свои жизни и за народ. Затем упоминается о том, что были перечислены требования и условия, которых они хотели, и также были добавлены пункты, которые не были включены в мирный договор Гвадикса, среди них, чтобы Папа Римский (сāхиб Рӯма) санкционировал соблюдение и верность тому, что было условлено, когда они отдадут (христианам) во владение Альгамбру в Гранаде, крепости и замки, и что он поклянется в соответствии с христианским обычаем соблюдать договор.*

Из приведенных выше отрывков очевидно, что власти Гранады пытались выиграть время и как можно дольше избегать того момента, которого христиане с нетерпением ожидали. У мусульман изначально было мало надежды на победу, а зимой 1491 года она полностью их покинула. Как пишет ал-Маққарй: *полагали мы, что он уйдет от нас в*

⁵⁸ Нубзат ал-‘аср, pp. 40-41.

⁵⁹ Нубзат ал-‘аср, cc. 40-41; de Eguílaz Yáguas, 1894, cc. 49-50; Fragmento de la epoca, cc. 46-47.

⁶⁰ ал-Маққарй, 1968, с. 525; Vélazquez Basanta, 2002, cc. 534-535.

зимнее время, но были мы разочарованы в нашем предположении.... Возможно, действительно, мусульмане Гранады до последнего момента ожидали помощи со стороны своих единоверцев с противоположного берега, но напрасно, *мы отправили к ним, но не пришел к нам ни один из них*⁶¹. И когда положение стало безвыходным, а откладывать принятие трудного решения становилось уже невозможным, было решено начать переговоры с христианами. Сообщается, что эмир сомневался, не зная наверняка что делать, сдавать ли город или защищать его; теряя Гранаду, мусульмане оставляли последнюю надежду на возвращение и восстановление былого могущества ал-Андалуса⁶², но, оказавшись в осаде без каких-либо шансов на победу, им пришлось выбирать *меньшее из двух зол*⁶³. В словах Боабдила «*Рассмотрите и выберите то, что по вашему мнению принесет вам большее благо*» мы можем услышать всю глубину его отчаяния и понимаем, насколько тяжелым было его положение, эмир Гранады осознавал свою неспособность повлиять на события каким-либо образом⁶⁴. Среди советников эмира были и те, кто советовал ему поторопиться с решением: *если мы сейчас вступим с ним в разговор, он примет нас и даст то, о чем мы просим; но если мы останемся в том же положении до наступления весны, он соберет свое войско, а мы будем в нашей слабости и малочисленности, и не примет он наших требований, и мы не сможем гарантировать безопасности ни наших людей, ни города....* Действительно, у гранадцев больше не оставалось никакой надежды, и горькая участь, постигшая Малагу и Алхаму, жители которых были подвергнуты жесточайшим репрессиям после их падения⁶⁵, была перед глазами жителей Гранады... Итак, на самом деле для жителей Гранады, сдача их города представлялась *наименьшим злом*.

Переговоры между мусульманами и христианами представляли собой процесс, который происходил в тайне от народа. Арабские источники не предоставляют нам подробной информации о ходе переговоров между двумя сторонами, христианские источники сообщают нам, что переговорный процесс начался с обмена письмами, которые вместе с гонцами передавались между Гранадой и Санта-Фе, позже начались переговоры с участием доверенных лиц, приближенных к обеим сторонам, тайные ночные встречи происходили с усилением мер безопасности, чтобы их никто не мог обнаружить⁶⁶. Сообщается, что эмир до последнего момента сомневался, сдавать ли город или продолжать борьбу; для того, чтобы убедить его христианская сторона направила в Гранаду своих доверенных лиц, переодетых в мусульман и знающих арабский язык⁶⁷. Эрнандо де Баэса сообщает нам, что важную роль в мирном урегулировании сыграла мать Боабдила. Это произошло тогда, когда, узнав о готовящемся военном маневре христиан, в ходе которого предполагалось устроить сражение вдалеке от города и затем войти вместе с отступающими через городские ворота, Боабдил решил выступить с наибольшим количеством людей и сражаться до смерти лишь бы не допустить такого оскорбительного

---

⁶¹ Посольства с просьбой о помощи к другим исламским государствам не дали результатов из-за слабости государств Магриба, удаленности и конфликта интересов у египетских мамлюков, из-за малоэффективной реакции со стороны турок-османов (хотя Баязид II отправил флотилию и оказывал дипломатическое давление): Vidal Castro, *Muhammad XI* <https://dbe.rah.es/biografias/7510/muhammad-xi>

⁶² «Насриды, видевшие, что ал-Андалус подходит к своему концу, приложили усилия, чтобы придерживаться своего арабского происхождения и ислама...» // Beauty and Islamic Theology. Episode nine: Aesthetics in Arabic Thought with Professor José Miguel Puerta Vilchez. <https://www.youtube.com/watch?v=GU3pmlNHQLE>

⁶³ ал-Маққарӣ, 1968, с. 525.

⁶⁴ Vidal Castro, *Muhammad XI* <https://dbe.rah.es/biografias/7510/muhammad-xi>

⁶⁵ López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 78.

⁶⁶ Vilar Sánchez, 2004, с. 95; López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 80.

⁶⁷ Vilar Sánchez, 2004, с. 96.

проникновения в город. Согласно хронике, ‘А’иша поспешила вмешаться и убедила сына отказаться от бессмысленного кровопролития и разрешить конфликт мирным путем⁶⁸.

Капитуляции о сдаче города Гранады были подписаны 25 ноября 1491 года⁶⁹, в тот же день, когда был подписан личный договор капитуляции между христианскими монархами и эмиром Гранады. Как было условлено, до передачи столицы оставалось шестьдесят дней. Сообщается, что даже после подписания договора эмир все еще сомневался в сделанном выборе, было опасение, что христиане не будут соблюдать условия договора, как это уже происходило ранее с другими городами эмирата. Чтобы окончательно убедить эмира христианская сторона направила к нему своих представителей⁷⁰, также было увеличено количество условий договора в пользу жителей Гранады.

Арабские источники умалчивают о том, как было объявлено народу о сдаче города. Известно, что осуществить это было непросто, эмир не знал, чего ожидать от городского населения. Как известно, переговоры были тайными, и у людей были только предположения относительно происходящего, что мы читали в арабских источниках. Теперь же, когда было необходимо объявить народу о соглашении и убедить его в его благости, несколько человек вместе со своими родственниками и близкими создали партию, готовую поддержать капитуляцию⁷¹. Народное признание стало результатом тяжелого социального климата осажденной Гранады, деморализованной, страдающей от голода и страха: 29 ноября капитуляции были провозглашены, беспорядки и волнения, произошедшие в городе в начале декабря, стали ответной реакцией народа, выражающего протест⁷², многие гранадцы выражали свое недовольство взятием заложников (500 человек - условие, поставленное христианами для гарантии безопасности после передачи города⁷³), но этот протест был быстро подавлен⁷⁴. Ради осуществления мирной передачи города были расширены условия капитуляций, которые стали еще более благоприятными для жителей столицы (30 декабря 1491 года)⁷⁵, все те, кто выступил посредниками в трудном процессе урегулирования были вознаграждены⁷⁶. Подписанное обеими сторонами соглашение⁷⁷ о сдаче города гарантировало неприкосновенность жизни и имущества, свободу вероисповедания, обеспечивало мусульманам статус религиозного меньшинства и безопасное существование в качестве верноподданных христианских монархов. В арабских источниках мы находим об условиях капитуляции города следующую информацию:

«*Нубзат ал-‘аср*»⁷⁸ содержит очень краткие сведения; ал-Маққарй предоставляет нам довольно подробный материал⁷⁹:

Условий договора было шестьдесят семь, в том числе: и большим, и малым будет гарантирована безопасность жизни, семьи и имущества, люди останутся на своих местах, со своими домами, землями и недвижимым имуществом; (2) их шарй‘а будет применяться, как и прежде, и никто не

⁶⁸ *Relación de Hernando de Baeza sobre el Reino de Granada*, cc. 24-25, 100-102.

⁶⁹ López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 80.

⁷⁰ Vilar Sánchez, 2004, с. 102.

⁷¹ Vilar Sánchez, 2004, с. 101; López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 81.

⁷² López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, cc. 81-82.

⁷³ ал-Маққарй, 1968, с. 525.

⁷⁴ Vilar Sánchez, 2004, с. 97.

⁷⁵ López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 82.

⁷⁶ Vilar Sánchez, 2004, с. 97.

⁷⁷ Текст капитуляций на испанском см.: GARRIDO ATIENZA, M. *Las capitulaciones para la entrega de Granada*. Ed. facsimil. Granada: Universidad de Granada, 1992.

⁷⁸ *Нубзат ал-‘аср*, с. 41.

⁷⁹ ал-Маққарй, 1968, cc. 525-526; Vélazquez Basanta, 2002, cc. 535-537.

будет судить их, кроме как по нему; (3) мечети и также вакфы будут оставлены как были прежде; (4) не зайдут христианине в дом мусульманина, не совершат насилия ни над кем; (5) управлять мусульманами будет только мусульманин или иудей из числа тех, кто раньше руководил ими от имени их правителя; (6) все пленники, заключенные в Гранаде, будут освобождены, где бы они ни находились, и, прежде всего, знатные лица, обозначенные как таковые; (7) сбежавшие пленники-мусульмане, сумевшие укрыться в Гранаде, не будут возвращены своим хозяевам, ни кому-либо другому, и правитель возместит их владельцу их стоимость; (8) тому, кто захочет переправиться через море, не будут препятствовать, и, переправляясь в течение установленного срока на кораблях правителя, им не придется платить кроме как за проезд, но как только срок истечет, помимо оплаты за проезд, отдадут десятую часть своего имущества; (9) ни с кого не будет спрошено за грех другого; (10) тот, кто принял ислам, не будет принужден к возвращению в христианство; (11) мусульманину, принявшему христианство, будет предоставлено несколько дней для принятия решения, и в присутствии судей, мусульманского и другого - христианского, если он откажется от возвращения в ислам, останется на том, на чем пожелает; (12) тот, кто убил христианина во время войны, не будет наказан, и не будет отнято у него то, что было украдено у христиан во время военных действий; (13) мусульманин не будет обязан предоставлять жилье христианским солдатам, и не будет направлен в какое-либо из направлений; (14) не будут увеличены установленные поборы и все несправедливые налоги и новые налоги будут с них сняты; (15) ни один христианин не будет взбираться на стены и не будет заглядывать в дома мусульман, ни входить в какую-либо из их мечетей; (16) мусульманин сможет передвигаться по территории христиан в безопасности для своей жизни и имущества, и не будет носить никаких отличительных знаков, как иудеи и мудехары; (17) никто не будет препятствовать призывать к молитве, молиться, поститься, или выполнять другие обряды его религии, и тот, кто будет это высмеивать, будет наказан; (18) они будут освобождены от налогов на определенное количество лет; (19) Папа Римский (сāхиб Рӯма) будет гарантировать все условия и поставит свою подпись...

Нам также известно, что во время переговоров Боабдил со своей стороны предложил на рассмотрение католическим монархам подготовленные предложения⁸⁰ по капитуляции. Эти предварительные пункты являются важным источником для понимания требований эмира, ограничений, с которыми он столкнулся, и того, что представлялось самым важным для него. Так, например, в предложенных им условиях мы читаем: «Среди прочего, в день, когда их высочества получат Альгамбру, пусть их высочества прикажут освободить господина принца, который находится в Моклине, и чтобы он был освобожден и отпущен из своего заключения, и чтобы его доставили королю, его отцу, в тот же день». Обеспокоенный судьбой, которая ожидает его подданных, эмир высказывает следующее требование: «что они будут пользоваться уважением и благосклонностью со стороны их высочеств, и всех их вельмож и подданных, и на них

---

⁸⁰ «Proposiciones de Boabdil para la entrega de Granada» // M. GARRIDO ATIENZA, *Las capitulaciones para la entrega de Granada*, ed. facsímil, Granada, Universidad de Granada, 1992.

будут смотреть так же, как они смотрят на своих подданных и вассалов, отныне и во веки веков»; «чтобы они пользовались почетом и благосклонностью со стороны их высочеств, чтобы их речи были услышаны, и чтобы все преимущества, которыми они пользовались и к которым привыкли, оставались для них такими же, как и во времена их правителя»; «чтобы их уважали, хорошо обращались с ними, с почетом, чтобы они были в безопасности, и чтобы были защищены и сами они, и их имущество, и чтобы им были оставлены все унаследованное ими и дома в Гранаде»; «и чтобы ни один христианин не имел права говорить маврам чрезмерности, от которых у них болит сердце»...

В «Предложениях» эмира мы также находим пункт, связанный с его дядей аз-Загалом, который подтверждает нам факт того, что общество Гранады не было однородным даже в тот очень трудный момент его истории, а сторонники его дяди оставались противниками Боабдила.

2 января 1492 года состоялась официальная передача ключей от города, сообщается, что церемония происходила ночью, чтобы избежать народных волнений⁸¹. Так завершилась история последнего мусульманского эмирата на территории Пиренейского полуострова, положив конец периоду, история которого насчитывает более двух с половиной веков. 2 января жители Гранады пережили самый трагический день в своей истории: на улицах не было видно мусульман... все они оставались в своих домах⁸². Арабские источники ничего не сообщают нам об этом событии⁸³.

Из Гранады в тот же день король Фердинанд отправил письмо епископу Леона, сообщая ему о *благословенном окончании войны с королем и маврами Королевства... и город Гранада, которым они владели и который занимали более семисот восьмидесяти лет, сегодня в день второе января девяносто второго года перешел под нашу власть и в наше владение*⁸⁴. Таким образом, короли получили в свои руки “последнюю недостающую драгоценность, чтобы украсить свою полуостровную корону”⁸⁵, и увековечили это событие, включив завоеванное королевство в свой королевский титул, в котором Гранада оказалась на пятом месте: *Мы, король Кастилии, Арагона, Леона, Сицилии, Гранады, Толедо...* – появляется в документах Гранады уже с начала января 1492 года, кроме того, изображение граната появляется на гербе Кастилии и Арагона, *чтобы память о милости, Богом данной Нам и всем нашим Королевствам, осталась, приказываем поместить герб Гранадского королевства на нашем Королевском гербе*⁸⁶. Через несколько дней после передачи города эмир Боабдил покинет столицу, направившись в свои владения в Альпухаррах.

3. Приобретение мусульманами статуса мудехаров

С победой католиков для Гранады наступило новое время, которое исследователи определяют как сильнейший сдвиг в ее памяти⁸⁷: свершилось долгожданное *salus hispaniae*⁸⁸, составлявшее идеологическое руководство реконкисты⁸⁹, и был открыт новый этап в отношениях между христианством и исламом⁹⁰.

⁸¹ Boloix Gallardo, с. 66.

⁸² Vilar Sánchez, 2004, сс. 111, 113.

⁸³ del Moral, с. 203.

⁸⁴ Vilar Sánchez, 2004, с. 114.

⁸⁵ Vilar Sánchez, 2004, с. 117.

⁸⁶ Sánchez-Montes González, 2005, с. 478.

⁸⁷ López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 83.

⁸⁸ “спасение Испании”.

⁸⁹ Термин *Реконкиста* современные испанские ученые считают некорректным.

⁹⁰ Galán Sánchez, 2000, с. 525.

Автор «Нубзат ал-‘аср» сообщает нам что

в тот период христианский король выказывал мусульманам заботу и уважение до такой степени, что это вызывало ревность и зависть среди самих христиан. И они говорили им: «Вы сейчас пользуетесь большей благосклонностью и почетом от нашего короля, чем мы». Он снизил им налоги и выказывал им справедливость. И было это не более чем уловкой с его стороны и обманом, чтобы успокоить их этим и удержать их от отъезда. Многие люди, движимые алчностью и полагая, что это для них продолжится, купили имущество и изысканные предметы по низким ценам и решили жить вместе с христианами»⁹¹.

Интересно, что анонимный автор пишет об изначальном отношении монархов к побежденным: сами христиане завидовали мусульманам, поскольку они пользовались почетом и уважением со стороны католических властей. В своем письме монархам Эрнандо де Сафра пишет следующее: *и считаю я, что никогда с народом не обращались лучше, с тех пор как существует этот мир*⁹².

Как следует из текста анонимного автора, мусульмане Гранады ожидали продолжения этой тенденции. Условия, на которых произошла передача города, являлись для них благоприятными. Мусульмане получали статус мудехаров, определявший их положение как религиозного меньшинства с правом свободно исповедовать религию предков. Как кажется на первый взгляд, единственным, что изменилось в их жизни, было то, что они становились подданными христианского монарха: общины мудехаров лишь подчинились новой политической и военной власти⁹³.

Для мусульман не было чем-то новым оказаться под христианской властью. На протяжении долгого периода пребывания на Пиренейском полуострове, мусульмане-мудехары проживали под властью христиан на отвоеванных у мусульман территориях, так же в истории ал-Андалуса нам известен обратный опыт, когда христиане проживали на территориях, управляемых мусульманами в качестве *зиммиев*.

В арабских источниках, повествующих о падении Гранады, мы обращаем внимание на то, что мусульманам перед передачей столицы было важно, чтобы христиане в соответствии со своей верой принесли присягу, которая означала бы, что нет никаких сомнений в том, что условия договора будут выполнены, и гарантировала бы законность согласованного и подписанного договора. Ал-Маққарй пишет о необходимости и важности присяги: *«поклонится в соответствии с христианским обычаем соблюдать договор»*⁹⁴; также в «Нубзат ал-‘аср» говорится, что христианский король заверил мусульман в соблюдении соглашения в соответствии со своей верой⁹⁵, и, наконец, предварительные условия Боабдила заканчиваются следующим пунктом:

Это пункты, которые мы установили в этом договоре. И пусть ваши высочества, и господин принц, и ваши наследники, и кардинал, и ваши кортесы и вельможи заверят нас в соответствии со своей верой и поклянутся нам в соответствии со своим законом, что они будут соблюдать и сохранять все эти пункты, один за другим, которые прописаны здесь; и что будут сохранять это всегда, отныне и во веки веков; и прикажут записать это на пергаменте и закрепить своей великой

⁹¹ de Eguílaz Yánuas, 1894, сс. 61-62; Peinado Santaella, 2021, с. 479; Нубзат ал-‘аср, с. 43.

⁹² de Eguílaz Yánuas, 1894, сс. 62-63.

⁹³ Ladero Quesada, 1992, с. 48.

⁹⁴ ал-Маққарй, 1968, с. 525.

⁹⁵ Нубзат ал-‘аср, с. 41.

печатью, и пусть подпишут их собственноручно, и подпишет их кардинал, и ваши кортесы и вельможи...

По мнению мусульман, подобная клятва гарантировала бы выполнение оговоренных обязательств и подтвердила бы нерушимость договора. Как мы видели ранее, жители Гранады находили благоприятными для себя условия капитуляции и ожидали со стороны победителей выполнения согласованных условий. Для понимания ситуации необходимо знать действительность и фактическую юридическую силу капитуляций. Какова была природа подобных договоров в сфере юрисдикции христиан? Испанский исследователь пишет по этому поводу следующее:

Если мы будем сравнивать положение религиозного меньшинства в христианском и мусульманском мире, то обнаружим существенную разницу. В ал-Андалусе религиозные меньшинства, как христиане, так и иудеи, имели статус *зиммиев* и находились под покровительством и защитой мусульманских правителей, выплачивая налог. Политика христианских монархов, похоже, была вдохновлена исламской моделью, но с принципиальным отличием: правовая природа этих пактов заключалась в том, что они носили феодальный характер⁹⁶.

Далее А. Шейне объясняет:

Защита меньшинств в исламе была возложена Богом посредством его шариата, то есть она была неизменной и нерушимой, обязательной на все времена, и вне всякой человеческой силы было ее изменить. За исключением отдельных отклонений, положения закона о религиозных меньшинствах соблюдаются и по сей день. Напротив, защита меньшинств в христианской среде обеспечивалась договором, на положения которого часто влияла политическая и военная целесообразность и другие обстоятельства. Договоры могли меняться и действительно менялись в зависимости от прихотей правителей или постоянно меняющейся военно-политической ситуации. Более того, договорам между христианским завоевателем и покоренным народом чаще всего противостояло духовенство, стремившееся аннулировать их всеми доступными средствами⁹⁷.

Таким образом, «для мусульман обращение с другим(и) по религии – это не вопрос мнения или выбора, изменчивых интерпретаций и суждений в зависимости от обстоятельств. Оно опирается на священные и правовые тексты, то есть для мусульман – на Священное писание и священный закон»⁹⁸. В данном же случае ситуация представляется иной, все исследователи однозначно заявляют, что гранадские капитуляции являлись для мусульманского населения наиболее выгодными из всех тех договоров, которые были заключены с побежденными мусульманами на протяжении истории всей Гранадской войны⁹⁹, и многие высказывают сомнение в том, что монархи действительно намеревались выполнять согласованное в полном объеме. Существует мнение, что данные капитуляции, скорее, использовались как уловка, направленная на окончательное завоевание последнего исламского редута, по крайней мере, благосклонность условий капитуляций можно истолковать и как явный признак горячего желания христианских монархов прекратить войну, унесшую слишком много жизней и материальных ресурсов¹⁰⁰. Представлялось

⁹⁶ López de Coca Castañer, 1993, сс. 263-264.

⁹⁷ Chejne, 1983, с. 3.

⁹⁸ Shah-Kazemi, 2012, с. 3, №5: Lewis, Bernard. *The Multiple Identities of the Middle East*. New York, 1998, с. 120.

⁹⁹ López de Coca Castañer, 1993, с. 263.

¹⁰⁰ Cortés Peña, 2004, с. 35.

необходимым как можно скорее закончить затянувшуюся во времени войну, а для этого нужно было относиться к проигравшему с возможно большим великодушием и избегать всякого рода ненужных унижений¹⁰¹. Капитуляции предоставили жителям Гранады возможность сохранять свое оружие и лошадей, что имело особое символическое значение: со стороны Фердинанда и Изабеллы это подразумевало непризнание своих будущих подданных побежденными¹⁰².

4. Эмиграция мусульман

В действительности жители Гранады никак не могли предугадать, как поведут себя христианские монархи с течением времени, тем более невозможно было понять их первоначальные намерения. Как было упомянуто выше, во время войны случалось, что условия договоров о капитуляции не выполнялись победителями. Об этом постоянно говорили и мусульманские религиозные деятели, предупреждая побежденных гранадцев о возможности нарушения условий договора со стороны христианских монархов, призывая их к обязательной эмиграции на территорию, находящуюся под властью мусульман. В соответствии с тем, что было согласовано в капитуляциях о сдаче Гранады, те, кто хотел покинуть пределы перешедшего под власть христиан эмирата, имели эту возможность и в течение трех лет могли совершить льготный выезд. В капитуляциях мы читаем: *постановлено и согласовано, что указанным лицам, желающим переехать жить на противоположный берег и в иные земли, их Высочества и их потомки во веки веков разрешат им свободно и безопасно передвигаться со всем своим имуществом, товарами и драгоценностями, золотом и серебром, и другими вещами... и что они будут свободно и безопасно доставлены в порты на противоположном берегу, где купцы обычно выгружают свои товары... и если затем по истечении упомянутых трех лет, в любое время во веки веков, они захотят переехать на противоположный берег, то их Высочества пропустят их, и за проезд с них не будет взято более одной доблы за каждого человека...*

Капитуляции даже предусматривают решение в том случае, если мусульмане, готовясь к отъезду, не успевают продать свое имущество в Гранаде: *если указанное имущество, которым они владеют в этом городе Гранада и его Альбайсине и предместьях... а также в упомянутых Альпухаррах... и которое они не могут продать, то они могут назначить и поставить поверенных на обозначенное имущество, или отдать его во власть некоторым людям, которые будут собирать и получать с них плоды и доходы; и то, что они таким образом получают, они смогут отправить им на другой берег, или туда, где бы они ни были...*

Также капитуляции предусматривали возможность возвращения переселенцев в течение трех лет, если условия жизни на новом месте не были подходящими для них, однако христианские власти смотрели на эти возвращения с неудовольствием¹⁰³. Срок действия предусмотренного капитуляциями разрешения истек в конце 1494 года¹⁰⁴, для желающих вернуться по истечении оговоренного срока это становилось затруднительным и даже опасным. Христианские власти усложнили этот процесс: королевский указ от 7 марта 1495 года разрешал мусульманам продавать свои дома и имущество, но не приобретать новые¹⁰⁵.

---

¹⁰¹ Cortés Peña, 2009.

¹⁰² Vincent, 1992, с. 15.

¹⁰³ López de Coca Castañer, 1993, сс. 271-272.

¹⁰⁴ López de Coca Castañer, 2005, с. 46.

¹⁰⁵ López de Coca Castañer, 1993, с. 270.

Желание католиков побудить жителей Гранады к отъезду и добиться выселения мусульманского населения очевидно с самого начала¹⁰⁶. Все исследователи сходятся во мнении, что католические монархи способствовали эмиграции мусульманского населения, прежде всего стремясь лишить мусульманское общество его руководящих кадров¹⁰⁷, выступая за уход важных контингентов мусульман из Гранады¹⁰⁸. Лишение мусульманского общества его естественных лидеров, которые могли бы взять на себя руководство возможным восстанием, должно было способствовать его разобщению¹⁰⁹. Уход представителей элиты и других видных и образованных деятелей был связан с желанием христианских королей устранить эти группы¹¹⁰, ведь, по словам А. Л. Кортеса Пеньи, высокий процент наиболее важных родов, просвещенных слоев, а также тех, кто оказал наибольшее сопротивление завоеванию, был сосредоточен в столице Насридов, поэтому новые власти стремились добиться выезда как можно большего числа членов этих групп, поскольку, вне всякого сомнения, среди них находились те, кого было бы сложнее интегрировать в новую ситуацию. Необходимо было лишить мусульманскую общину ее наиболее политически и конфессионально квалифицированных членов, важность деградации многих культурных ценностей гранадского ислама подчеркивалась многократно¹¹¹.

Большая часть образованных групп, а также основные лидеры, представители династии, осознавая, что действительность вскоре станет иной, эмигрировали, чувствуя себя некомфортно в новой ситуации; эти группы должны были знать, что католические монархи не собирались увековечивать социальную двойственность, возникшую в результате капитуляции, а скорее хотели выиграть время, пока не будут приняты соответствующие меры для достижения интеграции новых подданных¹¹².

Первостепенной задачей католических монархов после капитуляции Гранады было способствовать отъезду побежденного эмира Боабдила, который в течение года после того, как покинул столицу, проживал в Альпухаррах¹¹³. С его отъездом исчез бы даже «малейший намек на восстание, ибо редко народ объявляет себя бунтующим или мятежным, когда у него отсутствуют вожди, от которых он ожидает управления»¹¹⁴. Таким образом целью, преследуемой христианскими властями, было лишить мусульманское население руководящей элиты и оставить в качестве мудахаров только тех простых людей, чье подчинение далось бы легче¹¹⁵. В середине октября 1493 года последний эмир Гранады навсегда покинул родину, отправившись в Магриб. Сообщается, что он хотел остаться на родине, но оказанное на него со стороны христиан давление и интриги, в которых по поручению монархов большую роль сыграл Эрнандо де Сафра, королевский секретарь, человек столь важный в начальный период организации христианской Гранады, добившийся от эмира продажи всего его имущества за меньшую цену нежели действительная, обеспечили его отъезд, на который он решился после смерти

---

¹⁰⁶ López de Coca Castañer, 1993, с. 270.

¹⁰⁷ López de Coca Castañer, 1993, с. 268; Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 361.

¹⁰⁸ Cortés Peña, 2009.

¹⁰⁹ Cortés Peña, 2009.

¹¹⁰ Cortés Peña, 2009.

¹¹¹ Cortés Peña, 2009.

¹¹² Cortés Peña, 2004, с. 36-37.

¹¹³ López de Coca Castañer, 2005, с. 46.

¹¹⁴ López de Coca Castañer, 1993, с. 269; Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 362.

¹¹⁵ Galán Sánchez, 2000, с. 537.

жены¹¹⁶; с Боабдилом на том же флоте тысячи его последователей переправились на противоположный берег¹¹⁷.

Отъезд побежденного эмира послужил стимулом, ускорившим новые волны эмиграции до конца истечения трех лет, в течение которых сохранялись исключительные условия, согласованные при сдаче Гранады. Это была наиболее очевидная форма разрыва с прошлым: для тех, кто остался, начался тяжелый и трудный период сосуществования, конец которого как нельзя более трагичен¹¹⁸. Десятки тысяч мусульман покинули пределы побежденного эмирата в течение короткого срока¹¹⁹. Эрнандо де Сафра, главный исполнитель этой политики, в своем письме, написанном в Гранаде в декабре 1492 года, пишет: *Ваши высочества, поверьте, что с приходом лета их здесь не останется, не думаю даже, что в Альпухаррах, разве что только крестьяне и мелкие чиновники, насколько я вижу, все остальные уже в пути; и не из-за плохого обращения с ними, поскольку я думаю, что с людьми никогда не обращались лучше*¹²⁰.

Тем не менее отношение мусульман Гранады к переселению было неоднозначным: некоторые рассматривали лежащие на противоположном берегу моря земли как символ независимого ислама, где они могут поселиться и начать новую жизнь без контроля какой-либо христианской власти, обретая подлинное освобождение¹²¹, ведь именно к этому призывали муфтии, опасаясь постепенной утраты мусульманами религии. Однако далеко не все видели в переселении единственно возможный выход, большая часть жителей Гранады предпочли остаться на родине, к тому же вскоре из Африки стали приходить слухи о том, что лучшей жизни на землях Магриба ждать не стоит. Уже в мае 1492 года новые мудехарские власти столицы запросили разрешения послать наблюдателей на противоположный берег, чтобы узнать, как были там приняты первые переселенцы. Полтора года спустя те, кто отправился в Магриб вместе с Боабдилом, обнаруживают, что регион погрузился во всеобщий голод, за которым вскоре последовали эпидемии; по словам анонимного автора, *люди бежали из Феса и даже некоторые из тех, кто эмигрировал туда из ал-Андалуса, вернулись на родину и сообщили остальным об этих невзгодах*¹²². «*Нубзат ал-'аср*»¹²³ сообщает о том, что в связи с этим мусульмане решили остаться и сделаться мудехарами, к тому же по истечении трех лет была увеличена оплата и сборы за проезд на противоположный берег.

Эмиграция была путем, который избрала в первую очередь элита и подавляющее большинство зажиточного населения, а также все те, кто по тем или иным причинам не желал мириться с новым политическим строем¹²⁴. В случае со столицей Насридов католические монархи хотели избавиться от наибольшего числа ее жителей во что бы то ни стало¹²⁵. Однако в 1495 году, когда истек период льготного выезда, христианские власти изменили свое отношение к эмиграции: к этому времени большинство членов тех секторов, пребывание которых было нежелательным для монархов, ушли, а что касается остального населения, то их присутствие было необходимым не только для обеспечения фискальных доходов королевской казны, но и для послевоенного восстановления королевства; и хотя право на эмиграцию еще сохранялось, оно стало ограничиваться из-за

¹¹⁶ Vidal Castro, *Muhammad XI* <https://dbe.rah.es/biografias/7510/muhammad-xi>

¹¹⁷ Cortés Peña, 2009.

¹¹⁸ Cortés Peña, 2004, с. 37.

¹¹⁹ Vincent, 1992, сс. 105-106.

¹²⁰ Cortés Peña, 2009; Galán Sánchez, 2021, с. 501.

¹²¹ Cortés Peña, 2009.

¹²² López de Coca Castañer, 2005, с. 46; *Нубзат ал-'аср*, с. 44.

¹²³ *Нубзат ал-'аср*, с. 44.

¹²⁴ López de Coca Castañer, 2005, с. 45.

¹²⁵ Cortés Peña, 2009.

опасности чрезмерного демографического спада, учитывая, что число покидающих пределы королевства с течением времени постепенно возрастало¹²⁶. Следует упомянуть, что в течение предоставленного для отъезда трехлетнего срока жители Гранады сталкивались с трудностями при продаже собственности и недвижимости, которой они владели на протяжении поколений, поскольку христианские спекулянты умело пользовались возможностью заключения выгодных для них сделок. После завершения периода льготного отъезда подавляющее большинство оставшихся мусульман были не в состоянии оплатить высокие транзитные пошлины¹²⁷, это послужило причиной распространения тайной эмиграции, в которой большое участие принимали средиземноморские корсары¹²⁸. Территории, куда совершалась эмиграция на протяжении XVI века, простиралась от Магриба до Египта, доходя до Османской империи, но основным пунктом назначения являлась Северная Африка¹²⁹.

5. Реорганизация королевства Гранада

День 2 января 1492 года обозначал коренную перемену в истории города Гранада и стал официальным началом пути его христианизации. Смена статуса как самой столицы, так и территорий бывшего королевства Насридов, их переход под власть христиан, принесших свою систему правления и религию, стали первыми изменениями, которые открывают этап необратимой трансформации в жизни города и его жителей. Приход новых властей, несомненно, повлечет за собой социальные и культурные изменения, оставит неизгладимый след в повседневной жизни жителей и в самой городской структуре. Начиная с 1492 года, новые гражданские и религиозные лидеры Гранады, возглавив учрежденные здесь институты, приняли ряд политических, административных и социальных мер, направленных на изменение физической инфраструктуры города по христианской и кастильской линиям¹³⁰. Приняв на себя власть над мусульманами, христиане осознавали необходимость установить формы сосуществования с мудехарским населением, оказавшимся под их властью, и организовать управление своими новыми подданными, взяв за отправную точку заключенные капитуляции¹³¹.

Новый порядок и строй, чуждый мусульманскому населению, означал перенос на территории бывшего эмирата институтов управления, уже существовавших в кастильском государстве, происходило административное расширение территорий кастильской короны на новые области с недавним исламским прошлым, все это означало начало радикальных преобразований в административной, военной, религиозной, социальной и других сферах. Во время действия условий договора капитуляции институты побежденных и победителей должны были функционировать параллельно, предполагалось, что мусульманские институты не прекратят своего существования, но претерпят ряд трансформаций, допуская сохранение мусульманским населением некоторой автономии. В соответствии с оговоренным в капитуляциях, менялась только власть, а побежденное население должно было продолжать привычный образ жизни в новых условиях. Христиане, число которых в Гранаде постепенно увеличивалось, для своих собственных нужд и для управления завоеванной территорией привнесли новый военный, административный, правовой и религиозный режим, который потенциально мог включать мудехаров или, по крайней

---

¹²⁶ Cortés Peña, 2009.

¹²⁷ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 361.

¹²⁸ Cortés Peña, 2009.

¹²⁹ Galán Sánchez, 2021, с. 502.

¹³⁰ Harris, 2007, с. XIX.

¹³¹ Ladero Quesada, 1992, с. 47.

мере, оказывать воздействие на их собственные формы организации¹³². Христианские правители должны были разработать свои собственные правила в качестве основы, позволяющей им управлять своим новым подчиненным населением, а сами мусульмане должны были приспособиться к ситуации и следовать предписаниям своей веры в совершенно новых обстоятельствах, в которых они оказались¹³³. Таким образом, столица претерпела значительные изменения в административном устройстве, управлении и социальной политике, здесь появились новые институты, необходимые для управления жизнью большого числа новых подданных, собирающихся разделить свои территории с христианами для обеспечения сосуществования двух общин¹³⁴.

В административном плане в отличие от второстепенных королевств Кастилии, в особенности андалусских¹³⁵, христианское королевство Гранада было единственным, которое действительно являлось политическим, административным, правовым и военным образованием, типичным для королевства кастильской короны. Союз андалусских королевств, в состав которого входили Хаэн, Кордова, Севилья, Альхесирас, Гибралтар и Алгарви, становится политическим образованием вышеназванных королевств под названием Андалусия, Гранада же представляет собой самостоятельное образование. Таким образом, юг полуострова будет разделен с 1492 года (до 1833 года) на два политических образования: Андалусию и королевство Гранада¹³⁶. Являясь столицей и оставаясь городом с мусульманским большинством, Гранада в то же время концентрирует наиболее заметные и важные элементы новой христианской власти¹³⁷.

Примечательно, что в завоеванном королевстве продолжает функционировать налоговая система Насридов: христиане унаследовали финансовый аппарат, который контролировал своих налогоплательщиков гораздо лучше, чем их собственный, они адаптировали весь накопленный опыт Насридов для удовлетворения своих собственных нужд¹³⁸.

Короли назначили своих прямых представителей в Гранаде, во главе которых стояла политико-религиозная тетрархия¹³⁹: *когда была завоевана Гранада, правили ею три мужа, откуда пришло к ней все то благо, которым она обладала*: одним из них был святой архиепископ Эрнандо де Талавера, другим был граф Тендилья, дон Иньиго, а третьим был коррехидор Кальдерон¹⁴⁰. Архиепископ Эрнандо де Талавера, помимо религии, находился в ответственности за политические, экономические и архитектурные вопросы; Иньиго Лопес де Мендоса, граф Тендилья, являлся генерал-капитаном королевства Гранада и *алкаидом*¹⁴¹ Альгамбры, где располагалась его штабквартира¹⁴²; Андрес Кальдерон был коррехидором города Гранады и его земель¹⁴³; *все трое усердно трудились... и Гранада обязана вечной памятью всем троим*¹⁴⁴. В первые годы необходимым было присутствие организаторов, делегатов Короны и, прежде всего, королевского секретаря Эрнандо де Сафра, который поселился в Гранаде в 1492 году и вместе с графом Тендильей и архиепископом Эрнандо де Талавера, образовали вершину

¹³² Ladero Quesada, 1992, сс. 54-55.

¹³³ Harvey, 1990, с. 73.

¹³⁴ Peinado Santaella, 2001, с. 378.

¹³⁵ Андалусский здесь относится к христианским королевствам Андалусии.

¹³⁶ Vilar Sánchez, 2004, с. 127.

¹³⁷ Galán Sánchez, 2000, сс. 527-528.

¹³⁸ Galán Sánchez, 2021, с. 508.

¹³⁹ Vilar Sánchez, 2004, с. 128.

¹⁴⁰ Peinado Santaella, 2001, с. 378.

¹⁴¹ Должностное лицо от правительства, от арабского *ал-к̣ā`ид*.

¹⁴² Ruiz Povedano, 2000, с. 627; Vilar Sánchez, 2004, с. 128.

¹⁴³ Vilar Sánchez, 2004, с. 128.

¹⁴⁴ Calatrava, 2010, с. 165.

новой кастильской организации королевства¹⁴⁵, они взяли на себя задачу дать королевству Гранада новую организацию¹⁴⁶. Присутствие кастильцев на новых землях первоначально ограничивалось большим военным гарнизоном, выполнявшим особую функцию контроля над столицей и ее мусульманским большинством под руководством графа Тендильи¹⁴⁷. Существование в королевстве смешанного населения привело к тому, что муниципальные учреждения Гранады отличались от учреждений других городов королевства; по этой причине можно предположить, что после передачи города в течение первых пяти месяцев кастильского правления были проведены переговоры с целью создания органов местной власти, которые, принимая во внимание сосуществование обеих общин, приспособили бы устои Насридов, хотя и малоизвестные христианам — к структурам кастильского совета¹⁴⁸. Существовало мудехарское самоуправление, продолжавшее свои функции с периода Насридов. На населенных мудехарами территориях мусульмане продолжали жить по-прежнему, так же как это было в кастильско-арагонских *алхамах*¹⁴⁹, посредством своих советов, старейшин, *алкаидов*, и *алфаки*¹⁵⁰, в то же время принимая *алкаида* или христианского коррехидора, представителя новой власти, миссией которого был контроль, а на бумаге — защита общины¹⁵¹. Алхамы продолжали собираться для решения коллективных вопросов¹⁵². Были признаны свобода, которую мусульмане имели для занятия торговлей, право, которое помогало им не выполнять никакого вида работы без получения справедливого вознаграждения, и преемственность фискального или даннического режима предыдущей эпохи. Религиозные и судебные власти оставались на своих должностях, как и алгуасилы¹⁵³ и другие должности в местной администрации, необходимые для организации общин мудехаров¹⁵⁴. Таким образом, являясь посредниками между мусульманами и католическими властями, они сохраняли автономию для своей общины¹⁵⁵. Исламское право будет соблюдаться в любых спорах между мусульманами, но, в случае возникновения размолвок с христианами, спорящие стороны должны будут подчиняться решению смешанного судейства, назначенного для этой цели¹⁵⁶. Исследователь исламского права сообщает:

Капитуляции, подписанные католическими монархами и последним эмиром и его учеными, разрешили населению города соблюдать свои законы и использовать свои документы... Данные, найденные в арабских юридических документах, позволяют нам говорить о том, что несколько важных судебных учреждений оставались на своих местах, так как многие документы были подписаны уже после 1492 года. Некоторые нотариусы, подписывавшие арабские документы до завоевания, продолжали подписывать их и впоследствии, их автографы можно идентифицировать в течение нескольких лет после 1492 года, что указывает на то, что многие нотариусы сохранили свои рабочие места. С другой стороны, документы мудехарского периода следуют той же формуле, которая

---

¹⁴⁵ Cortés Peña, 2004, с. 40.

¹⁴⁶ Ladero Quesada, 1992, сс. 55-56.

¹⁴⁷ Cortés Peña, 2004, с. 40.

¹⁴⁸ Peinado Santaella, 2001, сс. 370-371.

¹⁴⁹ *Алхама* - община мудехаров, от арабского *ал-джамā‘а* – собрание; *алхамы* пользовались обычно самоуправлением, имели свои особые скотобойни и системы водоснабжения как в селах, так и в городах (Ланда, с. 33; Galán Sánchez, 2021, с. 498).

¹⁵⁰ Религиозный деятель, от арабского *ал-факих*.

¹⁵¹ Vilar Sánchez, 2004, сс. 159-160.

¹⁵² Galán Sánchez, 2000, с. 552.

¹⁵³ Должностное лицо от правительства, от арабского *ал-вазир*.

¹⁵⁴ Ladero Quesada, 1992, с. 49.

¹⁵⁵ Galán Sánchez, 2000, с. 552.

¹⁵⁶ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 358.

использовалась в предыдущие годы, и отражают те же юридические процедуры, которые применялись мусульманскими правовыми институтами¹⁵⁷.

Капитуляция внесла следующее изменение в административную структуру: мусульманский или мудехарский совет начал отправлять свои функции в Гранаде с 25 мая 1492 года, к составу этого первого правительства, сформированного 21 рехидором-мудехаром, в числе которых были *алфаки*, представители знати, *кадии*, проповедники мечетей, а также три писца, переводчик и *аламины*¹⁵⁸, представляющие различные городские ремесла, постепенно присоединялись христианские элементы, возможно, некоторые из алкаидов городских ворот, назначенных католическими монархами во время сдачи города¹⁵⁹. Таким образом старая форма управления была трансформирована в способную к ассимиляции с кастильским советом структуру¹⁶⁰.

С 1495 года в связи с возрастающим числом прибывающих в Гранаду христиан возникает новая администрация, которая принимает во внимание поселившихся в городе христиан, двумя годами позже она была преобразована в совет, который функционировал параллельно с мусульманской администрацией, поскольку похоже, что совместное управление старой столицей Насридов никогда не имело места: во всяком случае, этот первый христианский совет не заставил себя долго ждать, чтобы присвоить себе все полномочия, а также издать ряд дискриминационных мер по отношению к мудехарам, явно противоречащих многим условиям капитуляций¹⁶¹. В 1497 году появляется Второй совет¹⁶², куда *теперь мавры не входят и не приходят*, а 20 сентября 1500 года учреждается Гранадская ратуша¹⁶³, что означает незамедлительный перенос в столицу той модели муниципального управления, которая существует в крупных городах кастильской короны, что уже будет связано с обращением мусульман в христианство и желанием королей совершить окончательный поворот к унификации муниципального управления Гранады с остальными городами короны¹⁶⁴.

Изменения в религиозной сфере были направлены на христианизацию королевства, для того чтобы открыть новую эру в истории Гранады, в которой мусульмане являлись лишь религиозным меньшинством. С самого начала создается первая сеть церквей, некоторые из них устанавливаются на базе мечетей, отнятых у мусульман¹⁶⁵. В годы, последовавшие за завоеванием, в Гранаде обосновываются первые религиозные ордена: в 1492 году здесь появляются францисканский орден, мужской и женский, ордены доминиканцев, иеронимитов и мерседариев; в 1495 г. появляются картезианцы и многие другие ордена (более 30 в 1504 году, 74 в 1591 году), также основывается монастырь Сан-Франциско де ла Альгамбра (первый миссионерский орден в городе, здание которого впоследствии послужит для размещения до 1521 года останков католических монархов)¹⁶⁶.

---

¹⁵⁷ Zomeño, с. 116.

¹⁵⁸ *Аламины* (от арабского *ал-амин*) участвовали в совете в качестве инспекторов, например, для конкретных гильдий ремесленников. Galán Sánchez, 2021, с. 507.

¹⁵⁹ Ruiz Povedano, 2000, с. 626; Cortés Peña, 2004, с. 36; Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 358.

¹⁶⁰ Galán Sánchez, 2000, с. 552.

¹⁶¹ López de Coca Castañer, 1993, с. 274.

¹⁶² Ayuntamiento paralelo/oficioso.

¹⁶³ Ayuntamiento de Granada.

¹⁶⁴ Ruiz Povedano, 2000, сс. 627-628.

¹⁶⁵ Vilar Sánchez, 2004, с. 134.

¹⁶⁶ Ladero Quesada, 1992, сс. 56-57; López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 91; Sánchez-Montes González, 2005, с. 482.

Возможно, церковное устройство нового королевства было одним из наиболее быстро осуществленных предприятий, поскольку оно соответствовало “идеологии реставрации”, которая руководила колонизацией Гранады. Нельзя забывать, что завоевание мусульманского эмирата считалось католиками религиозным триумфом, этот же характер носило и его идеологическое оправдание: короли это постоянно подчеркивали, именно в связи с этим многие церкви на территории бывшего мусульманского эмирата были посвящены Санта-Мария-де-ла-Энкарнасьон¹⁶⁷, что было призвано продемонстрировать божественность Христа, рожденного от Марии, что несовместимо с исламом¹⁶⁸.

6. Репопуляция

Одним из коренных изменений в жизни побежденного народа стало заселение территорий бывшего эмирата Насридов христианами, переселения которых на завоеванные территории начались еще в ходе Гранадской войны и продолжились после присоединения эмирата к Короне Кастилии. Как мы видели ранее, христианское завоевание привело к эмиграции большей части мусульманского населения: во многих частях королевства не оставалось мудехаров, потеря населения представляла собой одну из серьезных и неотложных проблем, с которыми пришлось столкнуться Короне, и именно репопуляция стала тем инструментом, с помощью которого была предпринята попытка разрешить эту проблему¹⁶⁹. Для Эрнандо де Сафра это также виделось лучшим и самым дешевым способом контролировать завоеванную территорию¹⁷⁰.

Таким образом, политика новой власти заключалась, с одной стороны, в обеспечении эмиграции, поскольку пробелы, оставленные мусульманами, были нужны для обеспечения христианам необходимых условий для поселения и проживания в недавно завоеванном королевстве¹⁷¹, а с другой - в репопуляции, которая обеспечила бы заполнение этих пробелов христианскими колонистами. Очевидно, что предпринятая католическим правительством мера по репопуляции территорий преследовала две цели: количественно - увеличить число жителей в связи с отъездом многих мусульман, и качественно - изменить пропорциональное соотношение населения, увеличив число христиан в целях способствовать процессу кастилизации завоеванной территории¹⁷². Судьба побежденных жителей каждого города зависела от обстоятельств его падения, многие жители были изгнаны из своих городов, иногда новые поселенцы занимали города полностью. Репопуляция стала поворотным моментом в жизни мусульманского населения Гранады. Короне не потребовалось много времени, чтобы стимулировать иммиграцию христиан в саму Гранаду (с мая 1492 года). Короли нуждались в верных подданных, обосновавшихся среди мудехарского населения, основной миссией новых поселенцев, которые были призваны составить костяк кастильского господства¹⁷³ на завоеванной территории, будет контроль над мусульманами столицы¹⁷⁴. От 35000 до 40000 колонистов, большинство с семьями, прибыли на территории бывшего Гранадского эмирата между 1485 и 1498 годами. Большинство из них, вероятно, более половины, составляли

---

¹⁶⁷ Святая Мария Воплощения.

¹⁶⁸ Viñes Millet, 2005, с. 530.

¹⁶⁹ Viñes Millet, 2005, с. 530.

¹⁷⁰ Peinado Santaella, 2000, с. 477.

¹⁷¹ Cortés Peña, 2009.

¹⁷² Cortés Peña, 2009.

¹⁷³ Galán Sánchez, 2000, с. 536.

¹⁷⁴ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 359.

андалусцы¹⁷⁵, также среди них было много кастильцев, леонцев, экстремадурцев, выходцев из Толедо, мурсийцев в восточном секторе королевства, в качестве групп меньшей численности значились валенсийцы в Малаге и Велес Малаге, баски, выходцы с берегов Кантабрии и некоторые португальцы, поселившиеся в различных прибрежных городах¹⁷⁶. В 1495 году, когда для мусульман Гранады уже истек трехлетний период для выезда, Корона предоставила первые льготы для того, чтобы мотивировать христианскую иммиграцию¹⁷⁷. Изначальный количественный перевес в пользу мусульман, которые продолжали оставаться на своей родине, и представляли собой по выражению историка “огромную *морерию*”¹⁷⁸, будет сохраняться еще за пределами первого поколения христианских колонистов, и только в конце его истории между двумя группами населения будет достигнуто равновесие¹⁷⁹.

Благодаря возможности приобретать имущество у мусульман, выбравших эмиграцию, христиане постепенно заселяли столицу, в 1498 году христианские поселенцы в городе уже были многочисленны, а большая часть мусульман была вынуждена покинуть городские пределы и сосредоточиться в соседних округах - Альбайсине, Антекеруэле и других предместьях¹⁸⁰; налоговые льготы способствовали прибытию не только людей скромного экономического положения, но также и людей большого достатка, которых так же привлекала возможность получения выгод на новых землях¹⁸¹.

Так же, как ландшафт города начал постепенно и непрерывно изменяться, с новыми административными и религиозными учреждениями и прибытием новых жителей, с которыми мусульмане должны были сосуществовать каждый день, жизнь жителей Гранады начала неизбежно меняться, когда они оказались в стране, которая с каждым днем все больше переставала быть прежней.

7. Сосуществование двух сообществ

Капитуляции служили правовой основой для жизни двух общин после завоевания, закладывая, в свою очередь, правовую основу для будущих отношений между мусульманскими жителями и христианскими поселенцами¹⁸², они регулировали сосуществование в Гранаде до конца XV века¹⁸³.

Для совсем еще недавней истории Кастилии и Арагона было характерно сосуществование двух сообществ, отношения между которыми зависели от времени и места, однако общая тенденция характеризовалась как добрососедская. Мудехары проживали на христианских территориях веками и в значительной степени были интегрированы в христианское общество, в то время как сообщество новых мудехаров Гранады являлось совершенно иным случаем. Немедленная эмиграция мусульман после падения Гранады и прибытие большого количества христианских колонистов привели к качественному изменению: мусульмане из автохтонного населения превратились в религиозное меньшинство. Мусульманская община Гранады имела свои особенности по сравнению с общинами их единоверцев в других частях Иберийского полуострова,

---

¹⁷⁵ Выходцы из испанской Андалусии.

¹⁷⁶ Ladero Quesada, 1992, с. 57.

¹⁷⁷ Peinado Santaella, 2001, с. 364.

¹⁷⁸ “*una inmensa morería*”: Galán Sánchez, 2021, с. 496.

¹⁷⁹ Galán Sánchez, 2000, с. 528.

¹⁸⁰ Cortés Peña, 2004, с. 39; Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 361.

¹⁸¹ Ladero Quesada, 1992, с. 60.

¹⁸² Vilar Sánchez, 2004, с. 89.

¹⁸³ Ladero Quesada, 1992, с. 48.

насчитывавших века проживания бок о бок с христианами. Исследователь Л.П. Харви следующим образом описывает особенности мусульман Гранады:

Наряду с этой тенденцией превращения Гранады в чисто исламское государство с незначительным количеством *зиммиев* и, в частности, с очень небольшим количеством христиан, мы отмечаем тенденцию к культуре, которая была **чисто арабской в своем выражении**. Местные топонимы показывают, что когда-то в прошлом в языке должно было быть сильное романское влияние, но никто из мусульман Гранады не использовал романский язык так, как это делали мусульмане в Арагоне или Кастилии. В процессе культурной фильтрации и концентрации с годами те, кто желал жить **чисто исламской жизнью**, выражать себя на арабском языке и быть приверженцем исламской, а не европейской культуры, уходили жить в королевство Гранада... **сила арабского языка там до самого конца действительно поразительна**. Нет никаких признаков того, что арабскому языку в Гранаде угрожала опасность быть замененным кастильским в каком-либо время до военного поражения 1492 года. Быть гранадцем подразумевало позитивное утверждение идентичности: одеваться, есть, спать, мыться, говорить, петь, молиться и жить совершенно особым образом. Новая граница, нанесенная на карту примерно в 1250 году, стала также границей мышления... Мудехары христианского севера говорили на романском языке, им приходилось вырабатывать свой собственный способ быть мусульманами, отличный от их арабоязычных единоверцев в Гранаде...¹⁸⁴

На протяжении всей истории Насридского эмирата его территории привлекали мусульман со всего остального полуострова, тех, кто искал убежища под мусульманской властью вплоть до 1492 года. Также следует добавить, что уже после 1492 года перемещения осуществлялись некоторыми группами кастильских мудехаров, а также другими мусульманами разного происхождения, известными как *албаррани*¹⁸⁵, которые решили поселиться на территории недавно завоеванного эмирата¹⁸⁶ в ожидании добиться большего уважения к своей религиозной свободе благодаря условиям, прописанным в капитуляциях¹⁸⁷. Это означало, что гранадское общество было неоднородным, и его разнообразие проявлялось не только в дихотомии мусульман и христиан. По данным исследователей, население столицы могло превосходить 50000 жителей¹⁸⁸, территориально это выглядело следующим образом: мадина Гарната – 26436; Альбайсин – 15740; округи ал-Фаххарин и Наджд – 5616; Альгамбра – 1200. Население всего государства Насридов насчитывало около 300000 человек накануне кастильского завоевания¹⁸⁹. Согласно Херонимо Мюнзеру¹⁹⁰, в 1494 году более чем 40000 мусульман разделяли город с 10000 христиан¹⁹¹. До 1500-1502 годов вместе сосуществовали две общины: мусульмане-мудехары Гранады и христианские поселенцы, прибывшие в

¹⁸⁴ Harvey, 1990, сс. 14-15.

¹⁸⁵ Albarraní – тот, кто прибыл из-за пределов, чужеземец, приезжий. López de Coca Castañer, 1993, с. 272, №27.

¹⁸⁶ Cortés Peña, 2009.

¹⁸⁷ Carrasco García, 2007, с. 376.

¹⁸⁸ López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 61; Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 308; Sánchez-Montes González, 2005, с. 478.

¹⁸⁹ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 308.

¹⁹⁰ Путешественник.

¹⁹¹ Peinado Santaella, 2001, с. 363.

основном из Андалусии, привлеченные раздачей земель и возможностью приобретения недорогой недвижимости, для заселения и обоснования на новой территории¹⁹².

Исследователи признают, что сосуществование двух сообществ было непростым, да и может ли быть легким проживание на общей территории побежденных и победителей, которые никак не могли смириться с ситуацией, противоречащей их интересам и убеждениям: поставленный перед фактом принудительной трансформации, мусульманин не мог принять образ жизни и культуру, отличающиеся от привычных ему, а христианский колонист, прибывший в неизвестную страну с желанием улучшить свой уровень жизни, был не в состоянии понять чуждую ему действительность, над которой он будет совершать всевозможные злоупотребления, крайности и жестокости, которые в свою очередь приведут к росту недовольства и беспокойства местного населения¹⁹³.

Представители обоих сообществ не находились ни на одних и тех же условиях, ни на одном и том же уровне. Мусульмане составляли коренное население королевства Гранада и насчитывали века своего проживания в этом регионе, из поколения в поколение наследуя дома и земли. Недавно прибывшие поселенцы-христиане, привлеченные на завоеванную территорию фискальными щедротами¹⁹⁴, приехавшие сюда в поисках лучшей жизни, часто являлись далеко не лучшими представителями своего общества, но, считая себя победителями, чувствовали, что по сравнению с мусульманами имеют больше прав, так как на их стороне была сила, власть, и, как они считали, идеологически обосновывая происходящее, справедливость. Город Гранада и его ближайшие окрестности стали полюсом максимального притяжения... в том числе и для населения самого разного происхождения и экономического, социального и нравственного положения¹⁹⁵. Документы 1498 года подтверждают наличие этих нежелательных и бесконтрольных элементов¹⁹⁶, *каких-то бродяг, не имеющих ни господ, ни работы*¹⁹⁷.

Пока формировалась новая политическая реальность и организовывалась административная структура, недоверие и антипатия между победителями и побежденными только нарастали, с каждым днем увеличивая инциденты в непростом сосуществовании обоих сообществ: если, с одной стороны, можно было констатировать растущее и упорное сопротивление мудехаров интеграции в новую ситуацию, то, с другой, было очевидным слабое желание ассимилировать их со стороны переселенцев-христиан, большинство из которых, чтобы подтвердить свою позицию в возникающих спорах, прибегали, сознательно или бессознательно, к идеологии реконкисты, к которой добавлялось более первичное понятие “покоренной земли”, согласно которому побежденные жители подвергались всякого рода унижениям; действительно, было немало христианских поселенцев, считавших мусульман традиционным врагом, окончательно побежденным¹⁹⁸.

Вмешивались также два важных фактора, объясняющих совершаемые христианами действия: страх и алчность¹⁹⁹, добавлялось чувство зависти к превосходящей способности нехристианского народа, потому что, несмотря на трудности, с которыми сталкивались мусульмане, результаты их трудолюбия являлись постоянным источником провокаций и

---

¹⁹² Ladero Quesada, 1992, с. 47.

¹⁹³ López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 88; Sánchez-Montes González, 2005, с. 479; Cortés Peña, 2004, сс. 38-39.

¹⁹⁴ Peinado Santaella, 2001, с. 359.

¹⁹⁵ Barrios Aguilera, 2007, с. 32.

¹⁹⁶ López de Coca Castañer, 1993, с. 276.

¹⁹⁷ Peinado Santaella, 2001, с. 366.

¹⁹⁸ Cortés Peña, 2004, с. 40.

¹⁹⁹ Cortés Peña, 2004, с. 40.

подозрений²⁰⁰. Это была трансформация, отмеченная непрекращающимся конфликтом: жажда земли, принадлежащая некоторым христианским поселенцам... при недостаточном ее количестве... делают одной из самых кровавых форм конфликта экспроприацию земель у мусульман²⁰¹.

Христианские коррехидоры, *алкаиды* и королевская администрация имели серьезные проблемы с христианскими колонистами, которые пришли в основном для того, чтобы без каких-либо угрызений совести обогатиться за счет побежденных: несколько раз в 1492 году Короне приходилось выступать в защиту своих новых мусульманских подданных и защищать их от грабежа христиан, будь то жители соседних королевств или новые поселенцы королевства Гранада²⁰². Не имея иных справедливых доводов, которые могли бы послужить основой для их требований, колонисты, колеблясь, использовали религиозный вопрос, чтобы обосновать свою позицию против прав мудехаров²⁰³:

Корона надеялась сохранить мусульман в качестве подданных, поскольку они были хорошим источником дохода для королевской казны; но ее военная и финансовая логика находилась в противоречии с идеологией Реконкисты, которую сама Корона и ее придворные и сфабриковали. Христиане-победители были проникнуты оправданиями войны, но они неумело извлекали выгоду из своей победы и чувствовали, что оправданно нападают и вымогают деньги у бывших подданных Насридов. Годы пропаганды стимулировали их усилия, также как и свежие воспоминания о границе (напомним, что половина переселенцев были андалусцами), и эти силы вместе усугубили враждебность между христианами и мусульманами²⁰⁴.

Сам Эрнандо де Сафра, рассматривавший мудехара не как нового подданного монархии, а как поверженного врага, за которым необходимо следить, писал: *Меня больше радует видеть их на противоположном берегу, а не здесь*; он также не поддерживал смешанные районы проживания, считая, что *лучше иметь врага далеко, чем близко*²⁰⁵.

8. Сегрегация – “внутренняя граница”

В предыдущей части мы увидели, что репопуляция, решая одну проблему, порождала новые, более серьезные. Поначалу власти старались регулировать процесс, но со временем контролировать совместную жизнь двух сообществ становилось все сложнее. При сосуществовании побежденных и победителей на одной территории естественным было проявление явной тенденции взаимного неприятия и отторжения. Со временем, меры, предпринимаемые католическими властями, показывают, что их отношение к новым подданным начинает отличаться от того, что было согласовано в условиях капитуляции Гранадского эмирата. Мирное сосуществование двух сообществ на равных правах как верноподданных христианских правителей, провозглашенное в 1491 году, исчезает даже без возможности проявиться: каждый день показывает, что это сосуществование победителя и побежденного. Необходимость контролировать население, чтобы избежать

---

²⁰⁰ Lea, 2001, с. 93.

²⁰¹ Galán Sánchez, 2000, сс. 528, 545-546. Galán Sánchez, 2021, с. 506.

²⁰² Vilar Sánchez, 2004, сс. 159-160.

²⁰³ Cortés Peña, 2004, с. 42.

²⁰⁴ Peinado Santaella, 2021, с. 479.

²⁰⁵ Cortés Peña, 2004, с. 40.

возможных волнений со стороны мудехаров, а также не допускать смешения христиан и мусульман с течением времени вынуждает кастильские власти принимать все возможные меры для разделения повседневной деятельности двух сообществ.

В марте 1498 года появляются ограничения на взаимодействие двух общин: под страхом отлучения от церкви на христиан возлагаются многочисленные запреты в отношении мусульман. Христиане не могут покупать забитое мусульманами мясо и птицу, пользоваться их банями, обращаться к их акушеркам при родах, не должны ни сдавать мусульманам помещения для проведения церемоний, ни арендовать у них, также в указе сказано, что *ни христианин, ни христианка не должны продавать маврам вина*²⁰⁶. В июне того же года Эрнандо де Талавера, коррехидор Кальдерон, несколько христианских рехидоров, а также занимавший административный и религиозный пост Мухаммад ал-Баккани вместе осматривали улицы города, чтобы расширить их и подготовить к визиту короля с королевой, также было решено отделить торговую деятельность мудехаров и кастильцев, для чего необходимо было построить соответствующее учреждение отдельно от заведения, в котором находились мусульманские купцы²⁰⁷; другой приказ был адресован мудехарским сапожникам, чтобы те не делали своих работ для представителей обеих групп в одной лавке, а разделяли их²⁰⁸. Предпринимаемые меры были призваны разделить два сообщества, и *чтобы все знали, что король и королева — наши господа, понимая, что это соответствует служению Богу, Господу нашему, и спасению душ христиан и христианок, жителей сего великого и знаменитого города Гранада*²⁰⁹. Религиозные причины оправдывали эти запреты с христианской точки зрения, но их последствия будут ощущаться и на социальном уровне, также вскоре к этой мере добавятся другие с намерением разделить город на два дифференцированных сектора²¹⁰.

Проект сегрегации, который обсуждали вместе на собрании коррехидор Калдерон, Эрнандо де Сафра и Мухаммад ал-Баккани, предполагал отделить зону проживания христиан от мусульман. В рамках проекта планировалось выселение прибывших из других регионов *всех мудехаров и албаррани, которые не из этого города* обратно на место их происхождения, поскольку многие из них прибыли в столицу уже после провозглашения капитуляций, в которых не предусматривалось их проживание в Гранаде²¹¹. Те мусульмане, которые, помимо города, владели домами в сельской местности, должны были продать свои дома в городе и переселиться за его пределы. *Медина* Гранада должна была стать зоной проживания христиан, однако предполагалось поселить там определенное количество мудехаров – ремесленников, торговцев – для обеспечения нужд христиан. Таким образом, они должны были оставаться в пределах *морерии «как заложники»*, там же *«оставалась с маврами их главная мечеть»*, куда могли ходить только они²¹².

Проект сегрегации не был приведен в исполнение полностью, уже обосновавшиеся к тому времени в центре города христианские аристократы были против возможного соседства с мусульманской *морерией*²¹³. Менее чем через два года удалось очистить

---

²⁰⁶ López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 89. Ланда, с. 39; López de Coca Castañer, 1993, с. 285.

²⁰⁷ López de Coca Castañer, 1993, с. 285; López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 94.

²⁰⁸ López de Coca Castañer, 1993, с. 286.

²⁰⁹ López de Coca Castañer, 1993, сс. 284-285.

²¹⁰ López de Coca Castañer, 1993, сс. 285

²¹¹ López de Coca Castañer, 1993, сс. 273, 287.

²¹² López de Coca Castañer, 1993, с. 287; Sánchez-Montes González, 2005, с. 483; López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, сс. 92-93.

²¹³ López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, сс. 92-93.

медину Гранады и ее близлежащие зоны от мусульман²¹⁴. Дополнительной мерой стало требование, чтобы проживающие в предместьях мусульмане посещали для совершения пятничной молитвы мечеть в Альбайсине, вместо главной городской мечети, как они это делали ранее²¹⁵.

Таким образом, в 1498 году мусульманская и кастильская общины были разделены внутри города²¹⁶: мудехары оставили *медину* христианам и стали селиться в предместьях Альбайсин и Антекеруэла, мусульманам из других частей королевства, особенно из Альпухарры, было запрещено проживать в городе²¹⁷, было намерение превратить город в район с христианским большинством, что потребовало прекращения миграционного потока в Гранаду мусульман из остального королевства²¹⁸.

Обязанность мусульман покинуть *медину* и переселиться в предместья²¹⁹ означает попытку превратить мудехаров Гранады в сельских жителей, покончив с единственным существующим в королевстве Гранада примером городских мудехаров²²⁰. Так увеличивается разделение между двумя мирами: королевский указ 1499 года, изданный с целью *избежать различных досадных ситуаций, как для христиан, так и для мавров Гранады*, по замечанию современного испанского историка, демонстрирует, как трудное сосуществование поднимало внутреннюю границу²²¹, нематериальную и невидимую, между двумя социальными группами, занимающими единое пространство.

Фактически, 1498 год был ключевым годом в укреплении новой правовой позиции со стороны христианских властей Гранады: Талавера, в качестве рехидора санкционировал эти мандаты и как архиепископ наложил наказание в виде отлучения от церкви на каждого, кто их нарушил²²². Усложнение и затруднение взаимодействия представителей двух сообществ, должно было предотвратить смешение групп, с другой стороны, к этому стремились и сами люди, стремясь к сокращению бытовых контактов с представителями другого сообщества.

Таким образом, с самого начала нового порядка возможность сосуществования двух групп была полна препятствий: здесь противостояли друг другу с одной стороны присутствует высокомерие победителя, а с другой, неприятие ассимиляции, что сделало неизбежным ухудшение положения потерявших власть мусульман, которое еще более усугубляется тем, что с ними обращались хоть и в рамках закона, однако наихудшим из возможных образов²²³.

9. Попытки ассимиляции мудехаров

Присоединив мусульманский эмират и не желая лишать территории населения, короли предпочли оставить мусульман завоеванной территории *in situ*²²⁴. Как мы видели выше, большинство жителей Гранады предпочли остаться, полагая, что сохранение их традиционного образа жизни будет возможным, поскольку это было оговорено в

---

²¹⁴ Carrasco García, 2007, с. 340.

²¹⁵ López de Coca Castañer, 1993, с. 287.

²¹⁶ Ruiz Povedano, 2000, с. 627.

²¹⁷ Ladero Quesada, 1992, с. 53.

²¹⁸ Peinado Santaella, 2001, с. 366

²¹⁹ López de Coca Castañer, 2005, с. 48.

²²⁰ Vilar Sánchez, 2004, с. 370.

²²¹ López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 90; Sánchez-Montes González, 2005, с. 479.

²²² Cortés Peña, 2004, с. 38.

²²³ Cortés Peña, 2004, с. 38.

²²⁴ Poutrin, 2008-2010, с. 12.

капитуляциях²²⁵, и стараясь приспособиться к новым условиям жизни на собственной родине. К сожалению, это мнение было ошибочным, так как фактическая реальность не заставит себя долго ждать, чтобы опровергнуть эти предположения²²⁶. Как станет очевидным позднее, целью королей было не только окончательное завоевание, но и объединение населения под одной верой для достижения католического единства во всех своих владениях, унаследованных или вновь приобретенных²²⁷. В целом капитуляции позволили сохранять некоторого рода спокойствие до конца века: буква их была выполнена в значительной степени, хотя и с осознанием среди победителей того, что завоевание не свершится до тех пор, пока не будет закреплено внедрение кастильской системы, чего предполагалось достичь с помощью двух мер: во-первых, включением колонистов из числа старых христиан, чтобы нарушить огромную диспропорцию между мусульманским и христианским населением, которая рассматривалась как потенциальная угроза; во-вторых, ассимиляцией побежденного населения, которую было трудно достичь, учитывая стойкость, которой обладали мудехары в отношении сохранения как своих религиозных верований, так и своей социальной структуры и обычаев предков²²⁸.

Для выполнения этой задачи христианские власти уже начали принимать необходимые меры, первой из которых, как мы видели ранее, было лишение гранадского общества его лидеров и заселение территорий старыми христианами. Теперь католические монархи столкнулись с ситуацией существования двойного общества, продолжение которого было закреплено в условиях сдачи Гранады. Каждое из обществ видело в другом общество чуждой природы, с которым оно должно сосуществовать в общем пространстве. Существует мнение, что Корона была заинтересована в присутствии предыдущих лидеров в новом сценарии²²⁹: как мы знаем, большое количество побежденных мусульман покинули завоеванную Гранаду, в особенности элита, но в то же время существовала возможность интеграции в новый порядок, установленный победителями, который заключался в принятии христианства, однако немногие выбрали эту альтернативу²³⁰. Существовало также некоторое количество мудехаров, которые сотрудничали с кастильскими властями для облегчения сосуществования двух сообществ или в своих личных интересах, но примечательно, что почти никто из них не отказался от своей веры, хотя и позволил сделать это своим потомкам²³¹. Согласившись на роль посредников, они пользовались доверием кастильской администрации и даже сделали плодотворную карьеру на службе, однако положение их было непростым, и, хотя и приносило им много пользы, делало их с одной стороны подозрительными союзниками для кастильцев, а с другой – предателями для своих единомышленников²³².

Исследователи задаются вопросом: можно ли было установить какие-то линии стабильного сосуществования между мусульманами и христианами в Короне Кастилии в период правления католических монархов с определенной гарантией устойчивости во времени?²³³ Могли ли два сообщества мирно сосуществовать в течение периода, которого было бы достаточно для выработки действенных принципов для последующего сосуществования их потомков, учитывая, что мусульмане находились в положении религиозного меньшинства, а христиане занимали привилегированную позицию

²²⁵ López de Coca Castañer, 2005, с. 45.

²²⁶ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 361.

²²⁷ Cortés Peña, 2004, с. 37.

²²⁸ Cortés Peña, 2004, сс. 37-38.

²²⁹ Ruiz Povedano, 2000, с. 629.

²³⁰ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 362.

²³¹ Ladero Quesada, 1992, с. 51.

²³² Galán Sánchez, 2000, с. 555; Galán Sánchez, 2021, сс. 511-512; Ladero Quesada, 1992, p. 52.

²³³ Cortés Peña, 2004, с. 33.

победителей. Межэтнические и межрелигиозные конфликты, по мнению исследователей, в латентной форме всегда присутствуют в смешанных обществах. Какие меры могли бы предпринять христианские власти для обеспечения мирного сосуществования двух сообществ и ставили ли они перед собой подобную цель, ведь те меры, которые мы увидели ранее, вынужденными они были или нет, в действительности были направлены на то, чтобы постепенно лишить мусульманское население его прав и силы. Клятва “отныне и во веки веков”, подписанная королями при капитуляции эмирата, гарантировала, что соглашение будет соблюдаться не только королями, но и их потомками. Однако, реальность оказалась иной, и как высказался впоследствии Йусе Баннигас²³⁴: *если нельзя доверять королю-завоевателю, чего можно ожидать от его преемников...*²³⁵. Несмотря на то, что побежденные ожидали соблюдения капитуляций, для христианских королей завоевание последнего мусульманского эмирата означало начало нового периода в истории их государства. Окончательный разрыв с исламским прошлым не мог произойти в один день, изменения накапливались постепенно, день за днем, вторгаясь в городское пространство, обновляя его и трансформируя физически в попытке очистить территории от исламских следов и идеологически в поисках оправдания мусульманского прошлого города, которое христиане считали “греховным” и “неверным”. Какими были меры для достижения изменений в социокультурной сфере? Планировалось ли изначально, что культура победителей поглотит культуру побежденных, ассимилирует и растворит ее, ведь капитуляции говорили об уважении к иной культуре и образу жизни, гарантируя, что короли и их потомки всегда будут соблюдать то, что было согласовано? Окончательный разрыв с прошлым не мог произойти за один день, это был медленный процесс, который не мог проходить по готовому сценарию: трансформация могла нуждаться в следовании тщательно разработанному плану, но изменения могли также происходить неожиданно и внезапно, когда каждый новый шаг становился случайным и спонтанным, а не продуманным заранее. Что означал для монархов окончательный разрыв с исламским прошлым, рассматривали ли они представителей этого прошлого как препятствие на пути, по которому должно было идти развитие их государства? Как мы увидим далее, главной задачей монархов было обретение единства королевства по кастильскому и католическому направлениям. Каковым могло быть изначально намерение по претворению этой задачи в реальность, какие меры подразумевало это предприятие: ассимиляция завоеванного народа или сосуществование сообществ с явной тенденцией к сегрегации представителей исламского прошлого региона?

Кажется очевидным, что идея постепенной христианизации изначально присутствовала в планах королей и в их видении будущего для своего государства: мы можем обоснованно думать, что с самого начала тотальная христианизация королевства находилась на мысленном горизонте католических монархов²³⁶. Фердинанд и Изабелла не подчинялись духу капитуляций: хотя они и старались следовать им буквально, с самого начала они считали исламский характер своих новых подданных чем-то временным и искали средства добиться христианизации гранадских мудахаров: еще со времен начала Гранадской войны короли благосклонно относились к добровольным обращениям в католицизм, предоставляя милости и награды мусульманам, готовым принять веру завоевателей²³⁷. По замечанию П. Лонгаса, католическим монархам приписывали надежду на то, что мусульмане, сосуществуя с христианским элементом в новой ситуации, в

---

²³⁴ См. о нем статью HARVEY, Leonard P. «Yuse Banegas: un moro noble en Granada bajo los Reyes Católicos» // *Al-Andalus*, № 21, 1959, сс. 297-302.

²³⁵ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 362.

²³⁶ Galán Sánchez, 2000, с. 557.

²³⁷ López de Coca Castañer, 1996, с. 520.

конечном итоге охотно примут “истинную веру”²³⁸. В политическом плане ассимиляционный критерий победившего большинства навязывался побежденному меньшинству вместо критерия сосуществования; с социальной точки зрения давление завоевателей было непреодолимым во всех социальных слоях²³⁹. Кастилизация, христианизация, контроль²⁴⁰ - цели, к которым стремилось католическое правительство: христианизация и кастилизация представляли собой два измерения постепенной ассимиляции, которые, казалось, были опцией, которую власти выбрали для достижения контроля над своими новыми подданными. Решения властей и предпринимаемые исполнителями их велений действия имели идеологическое обоснование, в стремлении добиться однородности населения главная роль была отведена религии: миссия по христианизации была возложена на иеронимита Эрнандо де Талавера²⁴¹, первого архиепископа Гранады, который становится главным ответственным за религиозную политику²⁴², в основе которой лежит милосердие и использование психологии местного населения, как коллективной, так и индивидуальной²⁴³, уважение к мусульманам и стремление к диалогу с ними²⁴⁴. Называемый мусульманами *главный алфаки христиан*²⁴⁵, Эрнандо де Талавера призывал своих священнослужителей к изучению арабского языка, чтобы облегчить идеологическую обработку новообращенных, что являлось задачей, которая требовала много времени и терпения²⁴⁶. Для применения этого метода на практике требовались миссионеры, владеющие арабским языком и знающие заповеди Корана, религиозные традиции и коллективную психологию жителей Гранады²⁴⁷.

Меры по продвижению кастилизации включали административную организацию королевства, а также трансформацию физического пространства города. Б. Венсан отмечает важный момент: появившаяся в том же 1492 году грамматика кастильского языка, которую подготовил и представил на суд королеве Антонио де Небриха, внесла свой вклад в укрепление идеи кастилизации; являясь верным спутником власти, единый язык должен был способствовать единству народа, в достижении религиозного и территориального единства роль языка виделась столь же важной, как роль религии, оружия и законов²⁴⁸, и, если в своей стране монархи видели наследницу Рима, кастильский язык приобретал значение латыни²⁴⁹.

Обозначив некоторые моменты трудного сосуществования побежденных и победителей, зададимся вопросом, могла ли католическая монархия ассимилировать такое количество новых подданных, представлявших ей столь “экзотическими”²⁵⁰. Полагали ли католические власти, что им удастся добиться постепенной ассимиляции будущих поколений путем сегрегации мусульманского населения в настоящем, сегрегации, которая преднамеренно, хоть и идеологически оправданно, заявляла о неравном положении представителей двух сообществ. Ассимиляция становилась всего лишь еще одним инструментом для обеспечения контроля над побежденными мусульманами, как и сегрегация, однако представляется, что задача контроля и управления была

²³⁸ Longás, 1915, cc. XXXIV-XXXVIII.

²³⁹ Barrios Aguilera, 2007, c. 31.

²⁴⁰ Viñes Millet, 2005, c. 532.

²⁴¹ Viñes Millet, 2005, c. 532.

²⁴² López de Coca Castañer, 1996, c. 520.

²⁴³ Cortés Peña, 2004, cc. 42-43.

²⁴⁴ Pérez García, c. 659.

²⁴⁵ “*alfaquí mayor de los cristianos*”; Peinado Santaella, 2001, c. 378.

²⁴⁶ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, c. 365.

²⁴⁷ López de Coca Castañer, 1996, c. 521.

²⁴⁸ Vincent, 1992, c. 67.

²⁴⁹ ПЕРЕС, Ж. *Изабелла Католичка. Образец для христианского мира?*

²⁵⁰ Cortés Peña, 2004, cc. 42-43.

затруднительной, пока не существовало единой административно-правовой системы, и действительно, иного пути нежели христианизация католическим властям похоже не представлялось.

10. Восстание мудархаров в Альбайсине 1499 года

Недовольство мусульманского населения Гранады христианским правлением начало накапливаться уже с самого начала. Арабский анонимный автор сообщает нам о кардинальной смене отношения к побежденным, мы понимаем, что надежда мусульман на то, что *уважение и почет* к ним со стороны христианского короля *будут продолжаться*, сменяется разочарованием, когда они видят, как он *нарушает условия договора пункт за пунктом*. В 1493 году власти потребовали сдать *все оружие, которое было в городе, кроме оружия тех мавров, которые собираются уезжать на другой берег*, для того чтобы не допустить возможности восстания²⁵¹. Мусульмане Гранады лишались оружия по разным причинам: после длительной осады города в условиях голода многие были вынуждены обменять оружие на муку уже в начале 1492 года²⁵². 31 января 1492 года Андрес Кальдерон и Эрнандо де Сафра пришли к соглашению с Мухаммадом ал-Баккани по этому поводу²⁵³, что стало одной из первых модификаций, которые претерпел договор о капитуляции Гранады, который уже с ранней поры начал адаптироваться к новым обстоятельствам, разумеется, всегда в пользу христианской стороны²⁵⁴. Двусмысленность этого факта, противоречащего тому, что было согласовано в капитуляциях, вызывала сомнения и опасения у мусульманского населения: принятые меры по сегрегации также показали, что положение мудархаров было достаточно неопределенным в ситуации дифференциации королей по отношению к подданным. Хотя короли были недовольны отсутствием результатов прозелитизма, они всегда настаивали на отказе от давления, направленного на стимулирование обращения мусульманского населения в католицизм, но, по всей видимости, так продолжалось только до 1499 года. Несмотря на первоначальную благосклонность властей и надежду мудархаров на продолжение этой тенденции, вскоре мусульмане Гранады перестали доверять христианам, поскольку видели, как новые власти Гранады свободно и заинтересованно интерпретировали капитуляции: с первых дней жители Гранады видели, как их права постоянно ущемлялись, к разоружению населения Альбайсина были добавлены чрезвычайные сборы, к тому же постоянно давало знать о себе территориальное давление со стороны прибывающих христианских колонистов²⁵⁵. В 1495 году Корона потребовала от всего мусульманского населения выплаты дополнительного налога для финансирования своей антифранцузской политики²⁵⁶, сбор также был объявлен в 1497 и в 1499 годах. Эти меры рассматривались мусульманами как нарушение капитуляций, атмосфера недовольства нарастала²⁵⁷. Все это также как и искусная уловка по сбору оружия мудархаров демонстрировало, что дух капитуляций стал меняться, а в некоторых областях изменился не только их дух, но и сама буква²⁵⁸, было совершенно ясно, что на монархов уже не действовало то, что было

---

²⁵¹ López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 89; Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 359.

²⁵² Ladero Quesada, 1992, с. 52.

²⁵³ López de Coca Castañer, 1993, с. 283.

²⁵⁴ Vilar Sánchez, 2004, с. 223.

²⁵⁵ Carrasco García, 2007, с. 338.

²⁵⁶ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 364.

²⁵⁷ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 364; López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 94.

²⁵⁸ Cortés Peña, 2004, с. 38.

сформулировано при капитуляции 1491 года, несмотря на то, что, согласно условленному, они должны были действовать *отныне и во веки веков*²⁵⁹. Различия, разделявшие христиан и мударов, стояли пропастью между ними и создавали в них напряженное чувство дискомфорта, которое впоследствии привело к событиям 1499 года²⁶⁰.

М.А. Ладеро Кесада настаивает на том, что восстаниям мударов не предшествовало ни нарастание напряженности, ни явные нарушения капитуляций, поскольку даже при осуществлении чрезвычайных сборов использовалась прежняя налоговая практика²⁶¹, заведенная еще во времена Насридов, и которая обосновывалась тем, что мусульмане Гранады не участвовали в выплатах тех сборов, которые накладывались в остальной части Кастилии. Однако, как пишет историк, обычное налогообложение уже было очень обременительным, и одним из стимулов, приведших к капитуляции и миру, была именно надежда на его облегчение, поэтому неудивительно, что эти сборы вызывали беспокойство и некоторое локальное сопротивление. Основопологающей же проблемой исследователь называет само присутствие и продолжающееся увеличение численности христианских колонистов, а также культурную и идеологическую пропасть, существовавшую между победителями и побежденными²⁶².

Следующим нарушением капитуляций со стороны католических властей стало дело новообращенных христиан, которые в соответствии с исламским законом утрачивали право на наследование семейного имущества²⁶³. Фердинанд и Изабелла распорядились, что те жители Гранады, которые станут христианами, не потеряют своих прав на наследование своей доли имущества, и повелели, чтобы государственные власти обязывали семьи новообращенных давать им *законно принадлежащую им часть имущества, которое у них было до этого*. Как пишет исследователь, эта мера открыто противоречила тому, что было согласовано при капитуляции 1491 года, и при том волнении, которое, по-видимому, царило в Гранаде, представляла собой настоящую провокацию, в то же время, являясь самым надежным доказательством того, что короли были готовы ускорить процесс обращения мусульманского населения в католицизм²⁶⁴. Здесь мы видим первые действия, которые могли бы свидетельствовать об определенном изменении позиции Изабеллы и Фердинанда при санкционировании мер по защите наследства в семьях с представителями различных религий. Хотя эти меры не противоречили напрямую тому, что было условлено в 1491 году, их можно было классифицировать как попытку поиска лазеек в шаткой законности капитуляций²⁶⁵.

Считается, что евангелизационная деятельность Талаверы была подвергнута критике ввиду отсутствия значительных достижений его методов христианизации²⁶⁶. Прибытие в Гранаду в октябре 1499 года с полномочиями от инквизиции²⁶⁷ францисканца Франсиско Хименеса де Сиснероса, архиепископа Толедо, не означало каких-либо изменений в проводимой политике, ведь общей задачей, к которой стремились религиозные власти было искоренение ислама на гранадской земле, рано или поздно; разница заключалась в используемых двумя архиепископами методах, но, тем не менее,

---

²⁵⁹ Vilar Sánchez, 2004, с. 376.

²⁶⁰ Cortés Peña, 2004, с. 44.

²⁶¹ Ladero Quesada, 1992, с. 53.

²⁶² Ladero Quesada, 1992, сс. 53-54.

²⁶³ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 364.

²⁶⁴ López de Coca Castañer, 1996, с. 525.

²⁶⁵ Carrasco García, 2007, сс. 363-364.

²⁶⁶ Cortés Peña, 2004, сс. 42-43.

²⁶⁷ Ladero Quesada, 1992, сс. 66-67.

деятельность де Сиснероса не встретила видимого противодействия ни со стороны Талаверы²⁶⁸, ни со стороны королей²⁶⁹.

С июля по ноябрь 1499 года короли находились в Гранаде, прибывший в середине октября Сиснерос должен был приступить к своей деятельности вместе с Талаверой: Р.М. Перес Гарсиа считает, что вмешательство Сиснероса в сферу деятельности Талаверы состоялось по приказу Короны, которая, очевидно, меняет свою политику с целью вызвать изменение темпа и добиться массовой христианизации, что подтверждается фактом учреждения суда инквизиции в Гранаде в сентябре 1499 года. Когда Сиснеросу были предоставлены инквизиторские полномочия действовать в отношении элче²⁷⁰, ранее обратившихся в ислам христиан, короли еще были в Гранаде, следовательно они прекрасно знали его план действий и полностью его одобрили²⁷¹. Сиснерос начал свою деятельность в Гранаде, привлекая дарами и обещаниями мусульманских религиозных деятелей, некоторые из которых даже выступили с проповедями в пользу христианства, что повлекло за собой обращения многих мудехаров в католицизм; архиепископ также превратил в церковь главную мечеть Альбайсина, таким образом христианизируя до сих пор бывшее мусульманским символическое пространство. Происходящее вызвало ответную реакцию, многие мусульмане публично выступали против происходящего, что вызывало ужесточение позиции Сиснероса,²⁷² следующим шагом которого будет применение мер в отношении элче, мусульман христианского происхождения. Несмотря на то, что они были защищены капитуляциями, к ним были применены радикальные меры, которые были поддержаны властями, и, если отношения между победителями и побежденными к настоящему моменту уже были полны напряжения, то бескомпромиссное выступление Сиснероса должно было стать решающим, немедленно приведя к вооруженному восстанию мудехаров²⁷³.

Остановимся более подробно на истории элче. Вот что рассказывает нам об этом ал-Маккари: *затем священники предписали всем тем, кто принял ислам из христиан – принудительно вернуться к неверию... и им пришлось это сделать, даже несмотря на то, что люди роптали, потому что у них больше не было ни выдержки, ни силы...*²⁷⁴. Было ли это изначально запланировано или нет, но условие капитуляций, связанное с бывшими христианами, а точнее с их потомками, действительно было слабым пунктом договора. Интересно, что Эрнандо де Баэса, в своей хронике вспоминает именно этот пункт наряду с другим - о церемонии передачи города: *об отступниках, тех христианах, которые стали маврами, чтобы их не принуждали силой вернуться в нашу святую католическую веру против их воли...* и делает оговорку, что *по закону этого нельзя делать*²⁷⁵. Существование подобного закона признается исследователями, считается, что свободное религиозное самоопределение являлось признанной практикой и регулировалось в соответствии с *Fuero de la Frontera* (пограничной юрисдикцией)²⁷⁶.

Сиснерос считал, что соглашение о капитуляции Гранады, являясь договором гражданского порядка, не имеет силы в сравнении с положениями канонического права,

---

²⁶⁸ Известно о разногласиях между ними по поводу использования арабского языка в литургии и катехизации. Pérez García, с. 661, № 6.

²⁶⁹ Galán Sánchez, 2000, с. 557; López de Coca Castañer, 1993, с. 305.

²⁷⁰ Элче/elche – от арабского 'илдж.

²⁷¹ Pérez García, сс. 660-662.

²⁷² Pérez García, с. 663.

²⁷³ Cortés Peña, 2004, с. 43.

²⁷⁴ ал-Маққарӣ, 1968, с. 527; Vélazquez Basanta, 2002, с. 540.

²⁷⁵ *Relación de Hernando de Baeza sobre el Reino de Granada*, сс. 25, 104.

²⁷⁶ Rodríguez Molina, сс. 701, 706.

согласно которому элче считаются отступниками²⁷⁷, которые караются смертной казнью и потерей имущества, а в случае раскаяния и возвращения в христианскую веру, подвергаются вечному позору, помимо различных экономических наказаний и юридических ограничений²⁷⁸. Сиснерос утверждал также, что отступничество родителей от христианства не должно было лишать их детей преимущества быть христианами, поэтому, по его мнению, все потомки элче должны были креститься, а сами они должны были предстать перед судом инквизиции²⁷⁹. Таким образом, он заявлял, что элче можно силой заставить вернуться к христианству, от которого они отступили²⁸⁰, неудивительно, что беспокойство и страх распространились среди всех мудехаров с предполагаемым христианским происхождением²⁸¹. М.А. Ладеро Кесада также подчеркивает, что капитуляции являлись королевскими привилегиями с юридической точки зрения и не могли иметь преимущественную силу над канонами церковного права, касающимися отступников, и отмечает, что об этом уже должно было быть известно, но, тем не менее, до конца 1499 года никаких действий в этом отношении предпринято не было, и предпочиталось уважать ситуацию и идти мирным путем евангелизации, отстаиваемым архиепископом Талаверой. После того, как король и королева покинули Гранаду, Сиснерос принялся за дело христианизации в своем стиле, что вызвало беспокойство и страх среди мусульман²⁸².

Г. Карраско Гарсиа добавляет, что хотя условия договора гарантировали возможность исповедовать ислам новообращенным, в отношении их детей пункт звучал не достаточно точно, а то обстоятельство, что закон в отношении отступников принадлежал каноническому праву, ввиду его приоритета над политическим правом делало капитуляции слабыми, по крайней мере, в этом отношении, и замечает, что подобная правовая двойственность – политическая и религиозная – не имела места в исламском государстве, где два столпа закона были объединены или даже, скорее, между ними не было никакого разделения²⁸³. К тому же при сопоставлении капитуляций с предварительными условиями эмира, выявляется определенный диссонанс между тем, чего требовал Боабдил, и окончательной формулировкой кастильского текста, которая оставляла открытой дверь для законного восстановления веры элче или, по крайней мере, их потомков²⁸⁴.

Нарушение христианскими властями своих обязательств перед мусульманами Гранады, по форме или по существу, вызвало потерю терпения жителями Альбайсина. Население Гранады уже с самого начала привыкло к периодическим нарушениям, совершаемым против смысла капитуляций, претерпевало оно и все более яростные насмешки со стороны христианских поселенцев. Однако, искрой, которая привела к восстанию, стало даже не столько обращение элче, сколько принуждение к обращению в христианство следующих поколений элче, которые фактически таковыми не являлись²⁸⁵. Ал-Маккари пишет: *тогда [христиане] прибегли к другому средству, которое заключалось в том, чтобы сказать верующему мусульманину: твой дед был христианином и принял ислам, так что теперь ты станешь христианином...*²⁸⁶

²⁷⁷ ПЕРЕС, Ж. *Изабелла Католичка. Образец для христианского мира?*

²⁷⁸ Pérez García, с. 662 № 8.

²⁷⁹ López de Coca Castañer, 1996, с. 525.

²⁸⁰ Galán Sánchez, 2000, сс. 557-558.

²⁸¹ López de Coca Castañer, 2005, с. 48.

²⁸² Ladero Quesada, 1992, сс. 66-67.

²⁸³ Carrasco García, 2007, с. 363.

²⁸⁴ Carrasco García, 2007, с. 363.

²⁸⁵ Carrasco García, 2007, сс. 363-364.

²⁸⁶ ал-Маққарй, 1968, с. 527; Vélazquez Basanta, 2002, с. 540.

Наше внимание привлекает положение элче в мусульманской общине Гранады. Как сообщается, встречаются указания на то, что мусульмане Гранады иногда поощряли обращение элче в христианство, чтобы умиловить христианские власти и тем самым не причинять вреда большинству мусульманских подданных... Учитывая тот факт, что мусульмане Гранады, за исключением тех, у кого были родственники христианского происхождения, были готовы пожертвовать элче, возникает вопрос, не воспринимали ли их как группу, не относящуюся к *умме*. Интересная тема, которая нуждается в дополнительных исследованиях. Подтверждается, что мусульманское население делало различие, по крайней мере, в этом исчерпывающем контексте, выявляя для инквизиции тех мусульман, чью принадлежность к христианству еще можно было «восстановить»²⁸⁷.

Л.П. Харви напротив, утверждает, что если бы не солидарность по отношению к группе элче, которая проявилась в их поддержке остальными мусульманами, то вероятно хотя бы на протяжении еще одного поколения капитуляции могли бы соблюдаться, но тот факт, что мудехары не оставили своих единоверцев эльче на произвол судьбы, дал право Сиснеросу называть восстание мусульманским и разорвать капитуляцию²⁸⁸.

Сиснерос стремился к тому, чтобы возратить к христианской вере всех элче и их потомков: если верить свидетельству ал-Маккари, кастильские священнослужители полностью посвятили себя этой задаче, пытаясь найти христианских предков для всех мудехаров Гранады²⁸⁹. По этому поводу А. Галан Санчес замечает, что действительно, по мнению арагонцев и кастильцев, многие мусульмане Гранады являлись потомками принявших ислам христиан, в связи с чем рассматривали ислам лишь как поверхностный слой, однако подобные оценки следует рассматривать как идеологически мотивированные и призванные оправдать усилия, направленные на быстрое обращение мусульман, в то время как более надежные данные показывают, что число принявших ислам христиан, проживавших в Гранаде, должно было составлять около трехсот человек²⁹⁰.

В христианском источнике сообщается: *увидели это мавры Альбайсина и подумали они, что подобным образом собираются поступить со всеми ими, восстали тогда и убили алгуасила, который шел туда, чтобы забрать одного из них*²⁹¹; то же самое пишет ал-Маккари: *когда эта безнравственная процедура [стала невыносимой], жители Альбайсина восстали против приспешников правосудия и убили их*. В своем письме Сиснерос утверждал, что мавры убили алгуасила без всякой причины, *он ехал верхом на муле, не сказал ничего и не сделал, мавры Альбайсина убили его, и все они восстали*²⁹².

Так многочисленные случаи проявления жестокости²⁹³ в отношении элче сторонниками Сиснероса привели к драматическим событиям: 18 декабря 1499 года в Альбайсине вспыхнуло восстание мудехаров Гранады, которые убили алгуасила, который явно злоупотреблял своим положением²⁹⁴. Заметим, что 1498 и 1499 годы были отмечены таким накоплением напряженности, что события в Гранаде в конце этого последнего года лишь всколыхнули заметно ухудшившуюся ситуацию²⁹⁵. Восстание Альбайсина было наиболее очевидным проявлением этого резкого изменения²⁹⁶, которое произошло в политике Короны по отношению к мусульманам. Трех дней хватило войскам графа

²⁸⁷ Carrasco García, 2007, с. 366.

²⁸⁸ Harvey, 2005, сс. 32-33.

²⁸⁹ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 365.

²⁹⁰ Wieggers, сс. 520-521.

²⁹¹ Galán Sánchez, 2000, с. 558.

²⁹² Pérez García, с. 665 № 20.

²⁹³ Pérez García, с. 664.

²⁹⁴ López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 95.

²⁹⁵ Peinado Santaella, 2001, с. 361.

²⁹⁶ Peinado Santaella, 2001, с. 360.

Тендилли, чтобы подавить восстание в Альбайсине²⁹⁷, в обмен на всеобщую амнистию мусульмане соглашались принять христианство²⁹⁸. Восстание мудехаров привело к тому, что капитуляции 1491 года были *ipso facto* признаны недействительными²⁹⁹, став последним шагом к исчезновению договора, хотя его условия уже были неоднократно нарушены в ходе трудного сосуществования двух сообществ. Для властей восстание было полезным предложением для ускорения процесса интеграции Гранады в единую административно-религиозную систему, мусульмане были поставлены перед выбором: крещение или изгнание³⁰⁰.

11. Принудительное обращение мусульман в католицизм

Принудительное обращение мусульман в христианство предполагает явное нарушение договора капитуляции Гранады³⁰¹, однако мы уже увидели, как это было обосновано христианской стороной: события конца 1499 года позволили католическим властям обвинить самих мусульман в нарушении условий договора, короли притворились, будто считают этот мятеж нарушением со стороны мусульман соглашения 1491 года, которое они не намерены более соблюдать³⁰².

Ал-Маққарй описывает происходившее так: *это было предложением, чтобы [заставить их] обратиться, говоря: «Пришел приказ от короля, что всякий, кто восстал против правителя, должен умереть, если только он [немедленно] не станет христианином и не будет освобожден от смерти». Все они, [от первого] до последнего, приняли христианство, в деревне и в городе, и, хотя некоторые отказывались отречься, пытаясь удалиться, это не принесло им никакой пользы...*³⁰³

Восстание ускорило и облегчило процесс обращения в христианство всего мусульманского населения Гранады, по словам Сиснероса, *нашему Господу было угодно, чтобы это [восстание], которое, как они думали, будет препятствовать обращению, стало причиной того, что... (убоявшись содеянного ими)... к настоящему дню три тысячи душ обратились и крестились*³⁰⁴. Таким образом, восстание мудехаров было умело использовано в качестве предлога для разрыва капитуляций, позволив установить новый политический и религиозный порядок; сообщается, что именно Сиснерос подсказал королям идею использовать эту *хорошую возможность*, чтобы отменить капитуляции и поставить народ Гранады перед выбором: обращение или эмиграция³⁰⁵. Известно, что Фердинанд был не очень хорошо осведомлен о происходившем в Гранаде³⁰⁶, тем не менее мятеж был использован, были приняты соответствующие меры в отношении восставших. Исследователи задаются вопросом, какова была позиция королевы Изабеллы в этом вопросе:

Талавера и Сиснерос пользовались полным ее доверием; и тот и другой были ее исповедниками. Но Талавера был отстранен, и меньшее, что можно сказать — Изабелла не сделала ничего, что помогло бы ему избежать этого унижения. Что же касается

²⁹⁷ Peinado Santaella, 2001, с. 379.

²⁹⁸ López de Coca Castañer, 2005, с. 48.

²⁹⁹ Carrasco García, 2007, с. 338.

³⁰⁰ López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, с. 95.

³⁰¹ Galán Sánchez, 2000, с. 558.

³⁰² ПЕРЕС, Ж. *Изабелла Католичка. Образец для христианского мира?*

³⁰³ ал-Маққарй, 1968, с. 527; Vélazquez Basanta, 2002, с. 540.

³⁰⁴ Pérez García, с. 666 № 26.

³⁰⁵ Pérez García, с. 666.

³⁰⁶ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, сс. 365-366.

Сиснероса, вполне возможно, что он действовал по собственному почину. Но если он и поступал таким образом, то потому, что надеялся на одобрение своих мер впоследствии; без сомнения, он полагал, что уловил волю короля, который, как в этом, так и в других случаях, настоял на своей точке зрения. Королева... с 1497 года уделяла государственным делам гораздо меньше внимания. Это незаметное самоустранение объясняет то, почему король Арагона берет на себя все больше инициатив. А потому вполне вероятно то, что в 1500-1502 годах именно он вынес окончательное решение относительно мусульман Гранады³⁰⁷.

Так путем элементарной провокации короли и духовенство избавились от связывавших им руки условий 1491 года³⁰⁸. Теперь в отношении мудехаров власти могли позволить себе любые меры, рассматривая их как тех, кто выступил против правителя. Как предполагает Д. Колеман, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что массовые крещения мусульман Гранады, начавшиеся в конце декабря 1499 года и продолжавшиеся в течение первых месяцев 1500 года, были результатом королевской политики, характеризующейся скорее непоследовательностью и промахами, чем скоординированными, целеустремленными намерениями³⁰⁹. Столкнувшись с отсутствием каких-либо гарантий и угрозой наказания, произошло массовое обращение в христианство мусульман города Гранады и его близлежащих селений³¹⁰. В ответ на происходящее в начале 1500 года мудехары в Альпухаррах и в горах Альмерии поднимают восстание, которое будет продолжаться до конца лета 1500 года³¹¹. В январе 1501 года восстают мудехары Ронды и Марбельи. Корона решает, что нет другого выбора, кроме того, который был предложен много лет назад иудеям: либо мудехары, независимо от того, восстали они или нет, примут крещение, либо они будут вынуждены покинуть территорию полуострова³¹², это было сформулировано в указе от 11 февраля 1502 года³¹³. Принудительные крещения в других районах заняли несколько лет, в феврале 1502 года все кастильские мудехары были вынуждены выбирать между изгнанием и отступничеством³¹⁴, так же, как и евреи в 1492 году³¹⁵.

Таким образом, процесс принудительного обращения происходил в разгар периодических восстаний³¹⁶; хронология событий изобилует ошибками, иногда воспроизводимыми новейшей историографией: среди проблем в первую очередь выделяется освящение культовых пространств, а во вторую — сама процедура крещения³¹⁷. За один день, 11 января, происходит крещение более 2000 человек в Гранаде, из которых почти 786 человек принимают крещение в тот же день в бывшей соборной мечети Альбайсина, церкви Сан Сальвадор³¹⁸³¹⁹. Всего за одну неделю крестится более 5000 мусульман. Сиснерос воспользовался этими обстоятельствами, чтобы собрать

---

³⁰⁷ ПЕРЕС, Ж. *Изабелла Католичка. Образец для христианского мира?*

³⁰⁸ Ланда, с. 39.

³⁰⁹ Coleman, 2003, с. 6.

³¹⁰ Ladero Quesada, 1992, с. 67.

³¹¹ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, сс. 365-366.

³¹² Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 366.

³¹³ Cortés Peña, 2004, с. 45.

³¹⁴ Carrasco García, 2007, с. 338.

³¹⁵ Ladero Quesada, 1992, с. 68.

³¹⁶ Galán Sánchez, 2000, с. 559.

³¹⁷ Carrasco García, 2007, с. 340.

³¹⁸ Carrasco García, 2007, сс. 340, 344.

³¹⁹ Ladero Quesada, 1992, с. 67.

большое количество арабских сочинений, чтобы среди бывших мусульман не поддерживалась приверженность обычаям ислама, рукописи были публично сожжены, кроме медицинских сочинений, которые он отправил в Университет Алькалы³²⁰. Указ о сожжении всех исламских книг во всем королевстве, включая Коран, датирован 12 октября 1501 года³²¹.

В письмах, которые Сиснерос отправил в начале 1500 года в Толедо, говорилось, что *все дела в Гранаде завершены... Не осталось во всем городе Гранада и ее Альбайсине ни одного мусульманина, ни мусульманки, который не принял бы воды крещения, а все мечети сделались церквями, и вместе с этим обратились и вернулись в нашу веру все мавры из селений близ Гранады... так что обратившихся будет душ тысяч пятьдесят*³²².

Начиная с весны 1501 года ислам был «официально» искоренен на землях Гранады³²³: *земля постепенно очищалась от сорняков*³²⁴. В июле 1501 года, когда крещения были завершены, короли запретили мусульманам входить в королевство Гранада, чтобы они не мешали идеологической обработке новых христиан-морисков, и приказали уничтожить все исламские религиозные сочинения³²⁵. В 1502 году внутри соборной мечети Гранады стали совершаться христианские богослужения, а позже на том же месте начнется возведение католического собора в рамках обширной программы строительства, направленной на преобразование города³²⁶.

М.А. Ладеро Кесада пишет, что политические лидеры предпочли продвигать и распространять крещение в этих обстоятельствах по крайней мере по двум причинам, ошибочность которых должно было показать будущее: во-первых, потому что их религиозный менталитет заставлял их верить или, по крайней мере, заявлять, что крещение являлось большим благом, даже если они знали о неискренности новообращенных. Во-вторых, потому что они думали, что крещение разрушит барьеры, препятствующие аккультурации и слиянию³²⁷.

Принудительное обращение означало начало распространения криптоислама³²⁸. Ал-Маккари говорит, что обращенные в католицизм *мусульмане продолжали скрыто поклоняться Аллаху и молиться, христиане же усилили розыски, так что сожжены были многие по этой причине*³²⁹. Ж. Вигерс сообщает, что многие мусульмане ожидали, что сложившаяся ситуация будет временной, и надеялись снова обрести возможность открыто исповедовать ислам, в то же время религиозная жизнь морисков находилась под пристальным вниманием инквизиции³³⁰.

Христианская сторона осознавала неискренность обращения, но предполагалось, что это был первый шаг к искреннему исповеданию христианства в более или менее ближайшем будущем. Официально в 1502 году в Короне Кастилии было юридически достигнуто религиозное единство, однако реальность была совершенно иной: ни единство веры не было подлинным фактом, ни настоящая кастилизация мудехаров так и не происходила, однако продолжать поддерживать сегрегацию означало бы признать, что

---

³²⁰ Longás, 1915, cc. XXXIV-XXXVIII.

³²¹ Wieggers, c. 521.

³²² Peinado Santaella, 2001, p. 380; Pérez García, c. 665.

³²³ López de Coca Castañer, 1996, c. 537.

³²⁴ López de Coca Castañer, 1996, c. 536.

³²⁵ Ladero Quesada, 1992, c. 68.

³²⁶ Wieggers, c. 522.

³²⁷ Ladero Quesada, 1992, c. 67.

³²⁸ Harvey, 2005, c. 31.

³²⁹ ал-Маққарӣ, 1968, с. 528.

³³⁰ Wieggers, c. 523.

христианство морисков покоилось на лжи³³¹, поэтому обращение в христианство мусульманского населения способствовало исчезновению религиозных преград, препятствовавших до этого созданию единой общины в пределах города³³². Крещение считалось первым этапом христианизации и влекло за собой изменение правового статуса обращенных: политические лидеры Кастилии рассуждали, что с крещением и новыми законами жители Гранады станут такими же христианами и такими же верными вассалами, как и кастильцы. В действительности, проблемы, поставленные морисками, стали продолжением проблем, вызванных мудехарами, с той разницей, что теперь ассимиляция виделась возможной³³³. Однако реальность отличалась от ожиданий. Таким образом, в течение нескольких лет мусульмане Гранады находились в ситуации перманентных изменений, их положение было шатким и неопределенным, и каждый день какое-то решение могло окончательно изменить их жизнь. Насильственное обращение трансформировало их в новых христиан и официально поставило на один уровень со старыми христианами, показав, что власти без колебаний могут принимать все возможные меры для достижения своих целей.

В последние годы XV века число нелегальных мигрантов увеличилось до угрожающих размеров; таким образом, между 1500 и 1510 годами перемены вызвали ужасный рост бегства: более 40 процентов населения королевства эмигрировали, легально или нелегально, за пределы королевства, в период между завоеванием и первыми пятью годами после принудительного обращения³³⁴. Из около 300 тысяч жителей эмирата Насридов, проживавших накануне завоевания, к 1504 году останется примерно половина, согласно произведенным подсчетам количества морисков³³⁵. Очевидно, что Гранада потеряла более половины, возможно, 60 процентов своего прежнего населения, поскольку общее число морисков не превышало 125 тысяч человек во втором десятилетии XVI века³³⁶.

Для прежних мусульман началась новая жизнь. Мы увидим, что они потеряли и что приобрели с обращением, после того как статус мудехар перестал существовать на всех кастильских территориях. Официально новые христиане будут считаться подданными монархии с теми же правами и обязанностями во всех административных, политических, юридических и финансовых областях, что и старые христиане; но все же их правовой статус оставался тем же, хотя ассимилирующая практика пыталась признать его отличие³³⁷.

Новые христиане были освобождены от наказания за восстание, имея возможность сохранять свои общественные бани, свою традиционную одежду и использовать арабский язык; документы, написанные на арабском языке, продолжали иметь такую же юридическую силу, как если бы они были написаны на кастильском³³⁸.

Принудительное обращение ускорило программу изменений Гранады, предназначенную для окончательной интеграции в кастильскую систему³³⁹. С момента завершения массовых крещений больше не оставалось причин поддерживать

---

³³¹ Cortés Peña, 2004, с. 45.

³³² Peinado Santaella, 2001, с. 357.

³³³ Ladero Quesada, 1992, сс. 70-71.

³³⁴ Galán Sánchez, 2000, с. 540; Galán Sánchez, 2021, с. 502.

³³⁵ Galán Sánchez, 2021, с. 502.

³³⁶ Ladero Quesada, 1992, с. 51.

³³⁷ Ruiz Povedano, 2000, с. 627.

³³⁸ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 367.

³³⁹ Sánchez-Montes González, 2005, с. 485.

административную двойственность, в городе создается единый для всех городской совет, заседания которого будут проводиться в здании Мадрасы³⁴⁰.

12. (Не)терпимость: неоднозначность положения мудархаров и морисков

В предыдущих разделах мы проследили за событиями, предшествовавшими принудительному обращению мусульман в католицизм, которое официально означало окончание присутствия ислама на территории христианского государства и прекращение существования смешанного общества. Принудительное обращение мудархаров ознаменовало нарушение договора капитуляций, произошедшие массовые крещения, освещение мечетей в церкви, публичное сожжение рукописей Корана и исламской литературы, преследование и заключение выступающих против³⁴¹ — все это стало еще одной коллективной травмой для побежденных мусульман Гранады³⁴².

Поставленные перед трудным выбором, мусульмане были вынуждены подчиниться произволу католических властей. Теперь, когда официально на территории Короны не оставалось мусульман, и все они сделались христианами, католические власти получают возможность постепенной ассимиляции бывших мусульман. Далее мы увидим, что путь, по которому пойдет развитие событий станет тем же, что и в случае с мудархарами Гранады, и приведет к не менее драматичному финалу. В этом разделе мы рассмотрим несколько примеров того, как относились к *новым христианам из мавров*³⁴³ католические власти и *старые христиане*³⁴⁴ и для этого вернемся на несколько лет назад, чтобы проследить за развитием тенденции. Мы не находим нетерпимости по отношению к мудархарам ввиду их религиозной принадлежности в первые годы после сдачи Гранады, нет сомнения, что католические монархи не вели антимусульманской политики: например, когда мусульмане были изгнаны из Португалии в 1497 году, им было предоставлено убежище в Кастилии³⁴⁵. В любом случае, хотя Фердинанд и считал своих новых подданных не слишком желанными, кажется, что он даже пытался увеличить количество мудархарского населения, особенно тех, которые в результате совместного проживания из поколения в поколение бок о бок с христианами приспособились к ситуации, и считались полезными для общества в виду своих многочисленных компетенций – сообщает Г.Ч. Леа, объясняя, что, когда Мануэль Португальский издал декрет об изгнании мусульман из своих владений, Фердинанд и Изабелла разослали письма, приглашая их прибыть в Испанию со всем своим имуществом, и либо поселиться там, либо продолжить свое путешествие, куда они хотят, взяв с собой свое имущество, кроме золота, серебра и других предметов, вывоз которых был запрещен; там они оставались под королевской защитой, были приняты меры, чтобы их абсолютно никто не беспокоил³⁴⁶.

В словах Фердинанда мы находим выражение надежды на постепенную интеграцию мусульман: *когда с вашей лошадью что-то случается, вы не убиваете ее мечом, а хлопаете ее по бедрам и набрасываете плащ ей на глаза. Мое мнение, как и мнение королевы, таково: необходимо крестить мусульман; если они не являются христианами, то ими будут их дети и внуки*³⁴⁷. К тому же короли даруют привилегию

³⁴⁰ Peinado Santaella, López de Coca Castañer, 1987, сс. 367-368; Ladero Quesada, 1992, с. 62.

³⁴¹ López-Guadalupe Muñoz, Sánchez-Montes González, 2017, сс. 94-95.

³⁴² López de Coca Castañer, 2005, с. 33.

³⁴³ Moriscos, cristianos nuevos de moros.

³⁴⁴ Cristianos viejos.

³⁴⁵ Harvey, 2005, с. 18, №9.

³⁴⁶ Lea, 2001, с. 101.

³⁴⁷ López de Coca Castañer, 1996, с. 538; Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 366.

недавно завоеванному городу Гранада в пользу христианских жителей, прежде всего в пользу новообращенных из числа мудехаров, которые освобождаются от мусульманских налогов и которым предоставляется пожизненная льгота, освобождающая их от выплат чрезвычайных сборов³⁴⁸. Теперь же, после принудительного обращения мусульман в христианство, снова, как и в условиях капитуляции, положение морисков будет урегулировано на официальном уровне: *те, кто оскорбляет их, называя их маврами или обращенными*³⁴⁹, *будут наказаны*³⁵⁰. Но как обычно действительность будет отличаться от того, что было прописано на бумаге, на самом же деле их положение становится еще более ненадежным, и последующие меры вскоре станут тому подтверждением.

Отныне население теоретически характеризуется своим единством, но старые христиане предстают как привилегированные с того момента, как фискальная реорганизация, проведенная в 1500-1501 годах, предоставляет им ряд вольностей, которые однако не распространяются на новообращенных морисков³⁵¹, таким образом является фискальной дискриминацией в их отношении то, что чрезвычайные сборы королевства с 1504 года будут оплачиваться исключительно морисками Гранады³⁵², таким образом население мусульманского происхождения будет нести подавляющее большинство финансового бремени королевства³⁵³. Что касается политики уважения культурных различий, то и она исчезнет между 1511 и 1525 годами. Невозможность интеграции морисков вскоре превратит большую часть того, что было оговорено при обращении мусульманского населения, в мертвую букву³⁵⁴.

Все это показывает неоднозначность положения морисков; обращение в католицизм официально превратило их в христиан, но эти *обращенные из мавров* по-прежнему оставались “другими”. Снова отметим различие, которое существовало внутри самого сообщества морисков, которое являлось естественным продолжением отличия между сообществами мудехаров разных регионов, о котором мы упоминали. Хотя мусульмане Гранады *де-юре* получали преимущества, впоследствии давление на их закон, их культуру и религию сделало их более уязвимыми, чем те мудехары, проживавшие в других частях Кастилии или Арагона³⁵⁵. Мусульманская община Гранады составляла численное большинство и имела глубокие арабские корни: еще до принудительного обращения, когда происходило какое-либо отклонение от договора капитуляции, ввиду их прочной культурной и религиозной самобытности, мудехары Гранады занимали более требовательную позицию, нежели кастильская община мудехаров в аналогичной ситуации³⁵⁶. Теперь же, обратившись в католицизм, мудехары Кастилии и Арагона объявляют себя *старыми* или *древними морисками*³⁵⁷ и претендуют на право оставаться на территориях Короны Кастилии благодаря этому своему происхождению, в то время как гранадцы являются *новыми морисками* и, следовательно, быстрее навлекают на себя подозрения в ереси³⁵⁸.

Постоянное давление со стороны христиан не могло не привести к недовольству мудехаров, а теперь морисков. Христианские колонисты, с которыми должны были

---

³⁴⁸ Galán Sánchez, 2000, сс. 559-560.

³⁴⁹ *Tornadizos*.

³⁵⁰ Galán Sánchez, 2000, с. 562.

³⁵¹ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 368.

³⁵² Galán Sánchez, 2000, с. 550.

³⁵³ Galán Sánchez, 2000, с. 551.

³⁵⁴ Galán Sánchez, 2000, с. 565.

³⁵⁵ Carrasco García, 2007, с. 377.

³⁵⁶ Carrasco García, 2007, с. 378.

³⁵⁷ *Viejos/antiguos moriscos*.

³⁵⁸ Carrasco García, 2007, с. 379.

сосуществовать гранады, постоянно провоцировали их. Если поначалу власти были на стороне мусульман, то со временем, увидев неудачу процесса христианизации и прислушавшись к советам категорично настроенного духовенства, монархи изменили свое отношение к побежденным и решили пойти на радикальные меры. Церкви удалось постепенно пробудить дух нетерпимости³⁵⁹. Очевидно, что ярая нетерпимость к представителям исламского прошлого возникла не сразу: первоначальные меры по христианизации населения Гранады носили мирный характер, короли не ожидали немедленного обращения, но и отрицать необходимость тотальной христианизации своих территорий не могли. Похоже, изначально они не представляли, какие меры им придется предпринять и каковыми будут последствия. Так произошло это радикальное изменение, когда те, кто составлял «лучшее ядро населения, которым могла обладать какая-либо страна³⁶⁰, становятся побежденными и униженными мудехарами, превратившись в граждан второй степени на своей собственной земле³⁶¹. С непостижимой извращенностью все положительные качества выставлялись их гонителями-христианами против них как обвинения, было законным обременять их такими тяготами, что они искали для себя обращения в христианство, как единственного способа от них освободиться»³⁶². Ситуация, в которой оказались мориски, представляется еще сложнее, ведь теперь к прежним трудностям добавляются новые проблемы и опасности: несмотря на то, что мориски официально считались христианами, их искренность ставилась под сомнение, что привлекало к ним пристальное внимание инквизиторов³⁶³. К тому же для христиан-победителей это все еще были те же поверженные жители мусульманского эмирата. Д. Колеман пишет, что отношения между двумя сообществами продолжали оставаться отношениями между завоевателями и побежденными: в этих обстоятельствах, конечно, неудивительно, что как христианские колонисты, с одной стороны, так и мориски, с другой, сохраняя высокую степень общинной идентичности и солидарности, продолжали видеть друг в друге представителей противоположной стороны границы, и, хотя случаи фактического этнического и/или религиозного насилия в самом городе после завоевания были редки, члены обеих групп часто явно и скрыто выражали враждебность, религиозную и этническую конфронтацию³⁶⁴. Исследователь замечает, что открытая враждебность к морискам на улицах города часто сопровождалась более скрытыми попытками исключить их из общества; отношение христиан к коренному населению Гранады варьировалось по четким классовым линиям: многие землевладельцы и представители элитных слоев общества часто выступали в качестве главных защитников собственности и прав морисков, исходя прежде всего из своих экономических интересов. Враждебность по отношению к морискам, напротив, питали в основном христианские колонисты - рабочие и средние чиновники³⁶⁵.

А. Галан Санчес отмечает одним из факторов сильной внутренней сплоченности общины морисков в Гранаде то, что, в то время как большинство аристократов эмигрировали, подавляющее большинство *алфаки* остались на родине: религия стала единственным доступным социальным связующим звеном. *Альфаки* действовали в качестве посредников, признанных Коронай Кастилии, и даже после обращения в христианство, разделили судьбу своих общин: фетва 1510 года продемонстрировала

---

³⁵⁹ Lea, 2001, с. 90.

³⁶⁰ Lea, 2001, с. 88.

³⁶¹ Vilar Sánchez, 2004, с. 11.

³⁶² Lea, 2001, сс. 88-89.

³⁶³ García-Arenal, Rodríguez Mediano, 2013, с. 3.

³⁶⁴ Coleman, 2003, сс. 50-51.

³⁶⁵ Coleman, 2003, с. 67.

редкое единодушие, постановив, что первой обязанностью этих лидеров было отложить собственную эмиграцию, чтобы служить своему народу³⁶⁶.

Внутри сообщества морисков ситуация была неоднозначной, в том числе и потому, что среди самих побежденных положение было неравным и сохранялось классовое различие: существование олигархии мусульманского происхождения, относительно богатых купцов, независимых ремесленников и мелких собственников из числа морисков не позволяло унифицировать уровни отношений между побежденными и победителями³⁶⁷. Подобно тому, как христианские власти были заинтересованы в привлечении насридской административной аристократии после капитуляции, так же и теперь представлялось, что союз с представителями этой группы облегчил бы принятие массой новообращенных своей участи с одной стороны, а с другой - интеграцию в старохристианское общество³⁶⁸. Мусульманскую «знать» короли пытались асимилировать с христианской³⁶⁹, привлечь к своей политике *алгуасилов*, *алфаки*: в процессе обращения в 1500 и 1501 годах многие из них после крещения получили новые милости и должности³⁷⁰, при этом продолжая стараться оказывать содействие и поддержку членам своего сообщества³⁷¹.

Рассмотрим каким образом проводилась евангелизация арабоязычного населения Гранады до и после принудительного обращения. Ключевыми фигурами в этом процессе выступают Талавера и Сиснерос, мы уже увидели к чему привели действия второго. Как уже было сказано ранее, оба они разделяли единую цель христианизации подданных Короны при кардинальном различии методов исполнения возложенной на них миссии. П. Лонгас пишет, что отношение Талаверы к мусульманам было благосклонным, ему приписывают следующее высказывание: *чтобы им и нам быть хорошими христианами, им надо взять от нашей веры, а нам - от их добрых деяний*³⁷². Как до, так и, прежде всего, после событий 1499-1501 годов в процессе евангелизации Талавера использовал арабский язык и обычаи жителей Гранады, поощрял переводы на арабский язык библейских фрагментов, в ходе литургии во время мессы заменял некоторые латинские выражения арабскими и даже использовал *замбру* и другие танцы морисков в процессии *Corpus Christi*³⁷³. Очевидно, что Талавера придавал первостепенное значение языку как незаменимому инструменту взаимодействия с арабоязычным населением Гранады³⁷⁴: на арабском языке читались проповеди, исповеди выслушивались теми, кто понимал местное население, в собрании архиепископа был перевод Корана на латинский и романский, также по его просьбе его духовник и соратник-иеронимит Педро де Алькала составил две работы, которые появились в 1505 году в типографии, учрежденной Талаверой в Гранаде в 1494 году³⁷⁵. Это были арабо-романский глоссарий, словарь разговорного арабского языка Гранады - *Vocabulista aravigo en letra castellana*, а также грамматика или методика по изучению арабского языка - *Arte para ligeramente saber la lengua aráviga, для использования священниками, которые осуществляли свое служение среди мавров*³⁷⁶. Интересно что, для того, чтобы передать христианскую терминологию были

³⁶⁶ Galán Sánchez, 2021, сс. 510-511.

³⁶⁷ Galán Sánchez, 2000, сс. 551-552.

³⁶⁸ Carrasco García, 2007, с. 361.

³⁶⁹ Galán Sánchez, 2000, с. 555.

³⁷⁰ Ladero Quesada, 1992, с. 52. Подробнее об этом см.: Galán Sánchez, 2021, сс. 511-512. Об интеграции аристократии см. также: Zekri, Hamza. «El proceso de integración de la aristocracia nazarí (ss. XV-XVIII): entre los partidarios de la aculturación y los defensores de la identidad morisca».

³⁷¹ Galán Sánchez, 2021, с. 511.

³⁷² Longás, 1915, с. LXXV, №1.

³⁷³ Ladero Quesada, 1992, сс. 65- 66.

³⁷⁴ García-Arenal, Rodríguez Mediano, 2013, сс. 37-38.

³⁷⁵ García-Arenal, Rodríguez Mediano, 2013, сс. 39-40.

³⁷⁶ Ladero Quesada, 1992, с. 66.

использованы термины, отражающие исламскую действительность, например, слово *масджид/джамии* обозначало церковь, *михраб* - алтарь, *салат* - месса³⁷⁷.

С 1500 возобладали элементы принуждения и в то же время культурного противостояния³⁷⁸. Позицию Талаверы современные исследователи считают неоднозначной³⁷⁹: с одной стороны, он явно принадлежал к группе, которая стремилась навести мосты, а также найти и принять в иной культуре те элементы, которые могли быть интегрированы³⁸⁰, с другой стороны, как ясно показывают составленные им *Instrucciones* – инструкции для жителей Альбайсина, он был убежден в необходимости радикально изменить жизнь, мысли и чувства тех, кого он катехизировал³⁸¹, призывая их, раз уж они стали христианами, постепенно отказаться от привычного образа жизни. В своем повседневном поведении, в своей манере одеваться и питаться новообращенные должны были перенять привычки христиан и постепенно раствориться в их сообществе³⁸², он призывал их начать забывать все, чего они до сих пор придерживались благодаря капитуляциям, если они хотят стать хорошими христианами: свой язык, одежду, праздники и так далее, они должны “быть и казаться” христианами.³⁸³ *Instrucciones* имеют особое значение для освящения характера пастырской миссии архиепископа: они определяют, среди прочего, практики, которым должны следовать мориски Альбайсина, призывая их отказаться и забыть все церемонии их прежней религии, включая традиционные празднования рождений и похорон. Они также призывают их постепенно отказаться от своего языка, своей одежды и обуви, своих привычек бриться и причесываться, а также своей еды. Талавера также призывает грамотных морисков иметь христианскую литературу на арабском языке³⁸⁴.

Сравнительно скоро, около 1510 года, стало ясно, что, несмотря на пожелания королей, мер по евангелизации населения, которые к тому же проводились с недостаточными средствами и без особого энтузиазма, было недостаточно для достижения намеченных целей, особенно из-за сильного сопротивления морисков в их отношении – пишет Кортес Пенья и далее продолжает:

также казалось очевидным, что сохранение определенных культурных практик однозначно помогало морискам оставаться верными практике их религии... были предприняты другие меры контроля и репрессий, в которых не только принимался во внимание религиозный факт, но и совершался выход на более широкое культурное поле. Это был настоящий план аккультурации, конечной целью которого было уничтожение признаков идентичности побежденных; между 1511 и 1513 годами был издан ряд указов, которые были направлены на регулирование *замбры*, ритуала жертвоприношения животных, использования холодного оружия, появлялись ограничения в одежде, запрет на занятия некоторыми профессиями. Была предпринята попытка разрушить особенности культуры морисков, поскольку их преобладание делала невозможной намеченную интеграцию. Фактически, это новое отношение предполагало отказ от веры в

³⁷⁷ García-Arenal, Rodríguez Mediano, 2013, cc. 39-40.

³⁷⁸ Ladero Quesada, 1992, c. 66.

³⁷⁹ См.: Scotto, Davide. «“Neither through Habits, nor Solely through Will, but through Infused Faith”»: Hernando de Talavera’s Understanding of Conversion».

³⁸⁰ García-Arenal, Rodríguez Mediano, 2013, cc. 37-38.

³⁸¹ García-Arenal, Rodríguez Mediano, 2013, cc. 37-38.

³⁸² ПЕРЕС, Ж. *Изабелла Католличка. Образец для христианского мира?*

³⁸³ Galán Sánchez, 2021, c. 515.

³⁸⁴ García-Arenal, Rodríguez Mediano, 2013, c. 36.

легкую ассимиляцию и добавляло рассмотрение морисков как маргинализованной части населения...³⁸⁵

Таким образом мы наблюдаем продолжение тенденции взаимного отторжения, но теперь вдобавок ко всем существовавшим ранее сложностям добавилась еще одна: христиане не признавали искренности религиозных убеждений морисков, что еще больше усугубило их положение. Доносы, преследования, суды инквизиции, досмотры... учитывая неприязнь и зависть со стороны христианских колонистов, делали сосуществование морисков и христиан невозможным. Католические священнослужители также внесли свой вклад в происходящее:

Испанское мирское духовенство XVI века было не самым подходящим для такой сложной задачи [христианизации морисков], и меньше всего те, кто был назначен в королевство Гранада: среди прочих причин из-за отсутствия у них истинного пастырского призвания, их плохой богословской подготовки, их жадности к наживе за счет самих морисков, их проживания в главных городах в ущерб сельской местности и, прежде всего, того факта, что их моральное поведение оставляло желать лучшего³⁸⁶.

13. Вместо заключения: несколько соображений относительно разрыва капитуляций

В предыдущих разделах мы рассмотрели непростой период в жизни населения последнего мусульманского эмирата: предварившие 2 января 1492 года события истории династии Насридов, переход территорий и населения под власть христиан, трудное сосуществование двух сообществ в условиях трансформации. Как мы видели, на протяжении непродолжительного периода жизнь мусульманского населения регулировалась капитуляциями, которые были согласованы при сдаче Гранады и выполнялись с периодическими нарушениями с христианской стороны, однако в какой-то момент произошел радикальный поворот, который стал необратимым для коренного населения. Точкой невозврата для мусульман Гранады стало восстание 1499 года, этой ситуации было дано юридическое толкование, низведшее мудехаров до положения восставших против своего господина подданных: совет архиепископа Толедо Сиснероса королю заключался в том, чтобы они использовали восстание как предлог для отмены капитуляций 1491 года, и поскольку мудехары считались *мятежниками и, следовательно, заслуживали смертной казни и потери имущества, помилование, которое он им даровал... требует от них либо стать христианами, либо покинуть землю*³⁸⁷. Со своей стороны мусульмане считали восстание 1499 года адекватной реакцией на все более репрессивные меры, принимаемые для ограничения их религиозных и социальных прав, христианские же власти рассматривали его как акт неповиновения и оскорбление властей: так произошел разрыв капитуляций³⁸⁸.

Мы уже обратили внимание читателей на сомнения исследователей по поводу намерения христианских королей соблюдать условия договора 1491 года. Приведем еще несколько мнений по этому поводу. Еще в XIX веке Франсиско Фернандес-и-Гонсалес заметил по поводу щедрых соглашений о капитуляции, что

---

³⁸⁵ Cortés Peña, 2004, сс. 46-47.

³⁸⁶ Peinado Santaella, 2021, с. 480.

³⁸⁷ Pérez García, с. 666.

³⁸⁸ Scotto, сс. 293-294.

подобные привилегии плохо сочетались с характером монархии, которая была обязана своим существованием возвышенному чувству патриотизма и религиозности, взращиваемому постоянной войной с мусульманами. Даже если мы проигнорируем пример предыдущих капитуляций, было легко предсказать ухудшение, которое им угрожало, поскольку они были согласованы завоевателями и достигнуты скорее из необходимости, чем из целесообразности³⁸⁹.

Действительно ли произошло нарушение договора или с самого начала христианские власти не были заинтересованы в соблюдении капитуляций также нам объясняет А.Л. Кортес Пенья:

В некоторых случаях утверждалось, что щедрость, проявленная католическими монархами в капитуляциях, особенно в тех, которые предшествовали взятию столицы Насридов, была связана с их предварительным желанием их не соблюдать, что и должно было произойти в действительности несколькими годами позднее. Я придерживаюсь мнения, что это было не совсем так; монархи думали, что с течением времени, адекватной политикой и разумной катехизацией можно будет ассимилировать побежденное население, то есть кастилизировать его, таким образом установившаяся двойственность исчезла бы – нечто, конечно, химерическое, реализация чего будет невозможной³⁹⁰.

Многие исследователи считают, что христианские власти с самого начала не были заинтересованы в соблюдении гранадских капитуляций и что именно по этой причине приверженность условиям договора продлилась недолго: это было в какой-то мере предсказуемо, если принять во внимание то, что происходило в западной части королевства Гранада, где опыт показал, что соответствующие капитуляции были подписаны не для того, чтобы узаконить *modus vivendi*, а просто, чтобы добиться подчинения мусульманского населения и, как только это было достигнуто, не было необходимости уважать эти капитуляции³⁹¹. Приведем еще одно мнение:

Мы не будем здесь вступать в дебаты о правовом статусе капитуляций (были ли это договорные соглашения или отзывные привилегии на усмотрение правителя в соответствии с принципом «государь не связан законами» (*legibus solutus*)?) или о желании (искреннем или нет?) королей обеспечить соблюдение условий... Действительно, капитуляции Гранады были самыми благоприятными из тех, которые были дарованы населению полуострова, являясь великим примером терпимости католических монархов и того значения и силы, которые все еще имели мусульмане, хотя из-за их неестественной и экстраординарной природы они не были предназначены для длительного действия... Короли, рассматривая мусульманское положение своих новых вассалов как нечто временное, отходят от духа текста³⁹².

Далее И. Путрэн говорит, что она не поддерживает тезис о нарушении статус-кво, установленного пунктами, согласованными с Боабдилом. Наоборот, она считает, что условия капитуляции были далеки от упрочения религиозного положения побежденных: капитуляции открывали путь к обращению мусульманского населения в христианство³⁹³.

³⁸⁹ Peinado Santaella, с. 479, № 51.

³⁹⁰ Cortés Peña, 2009.

³⁹¹ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, с. 359.

³⁹² Poutrin, с. 12.

³⁹³ Poutrin, с. 13.

Что касается религии, то щедрость королей и их уважительное отношение к законам побежденных в конце 1491 года не могли быть проявлены в ущерб высших интересов христианской веры. Исследователь проводит сравнение между предложенными Боабдилом пунктами условий и финальным текстом капитуляций. Религиозные положения, представленные королем Насридов, пытаются избежать неполноценности мусульман под господством христиан и сохранить практику поклонения и передачу ислама от родителей к детям. В разработке проекта принимали участие юристы. Мы увидим, что в своем ответе побежденному эмиру короли тщательно модифицировали пункты, которые могли помешать динамике преобразования, переформулировка просьб Боабдила представляется весьма существенной в работе, проделанной редакторами текста³⁹⁴. Вывод, который делает И. Путрэн: капитуляции оставляют пространство для последующего обращения мусульман в христианство, согласование договора изначально происходило с соответствующим намерением не оставлять мусульман в качестве религиозного меньшинства, они должны были ассимилироваться с течением времени.

Невозможно узнать, каково было первоначальное намерение монархов в действительности. Эта историческая трансформация означала поворотный момент в жизни всех ее участников. Внутри кастильской монархии назревали новые силы, рассматривающие унификацию религиозных верований как важнейший инструмент построения государства иного типа, в котором уже невозможно сосуществование с исламом³⁹⁵. Десять лет Гранадской войны и последующее десятилетие, период, в котором была предпринята попытка существования двойного общества - мусульманского и христианского - в бывшем эмирате Насридов, не представляли собой сосуществования, отмеченное схожими взглядами при течении времени, принятые меры не способствовали продолжительности намеряемого двойственного общества, которое пытались установить с первых капитуляций³⁹⁶. Было невозможно, чтобы представители двух разных сообществ, которые имели в недавнем прошлом историю вооруженных столкновений и рассматривали друг друга как врагов, не проявляли взаимной агрессии, находясь в одном пространстве: память о долгой войне, озлобленность, а также взаимная антипатия, накапливавшаяся веками, совсем не облегчали сосуществование победителей и побежденных³⁹⁷. Капитуляции Гранады послужили основой для ситуации, которая не продлилась долго: этого не случилось в связи с политическими тенденциями времени, которые выдвигали на первый план факторы неассимиляции над факторами сосуществования представителей разных культур и религий и постоянно создавали соблазн для политической власти решить проблему, аннулировав самую слабую группу; так же не случилось этого из-за давления, которое конкистадор, в большинстве своем андалусского происхождения, оказывал на побежденного жителя Гранады³⁹⁸.

Так мы увидели, что политика первоначальной благосклонности к побежденным, которая в мусульманских источниках считается уловкой, сменилась жестким курсом на христианизацию³⁹⁹: поначалу христианское население даже *«ревновало и завидовало»* мусульманам, поскольку король выказывал им уважение и почтение: *«Вы теперь для нашего короля благороднее и дороже нас»*⁴⁰⁰, впоследствии же условия договора были

---

³⁹⁴ Poutrin, cc. 13-14.

³⁹⁵ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, c. 351.

³⁹⁶ Cortés Peña, 2009.

³⁹⁷ Peinado Santaella, López De Coca Castañer, 1987, c. 364.

³⁹⁸ Ladero Quesada, 1992, c. 49.

³⁹⁹ Ланда, с. 39.

⁴⁰⁰ *Нубзат ал-'аср*, с. 43.

«аннулированы пункт за пунктом, пока не были отменены все»⁴⁰¹; «путем элементарной провокации короли и духовенство Испании избавились от связывавших им руки условий 1492 года»⁴⁰². Тактика обращения с побежденными вскоре поменялась кардинальным образом с гуманной (Эрнандо де Талавера выступал против насильственного обращения в христианство, настаивая на необходимости проповедей и убеждения, предлагая обучать мусульман католицизму на их языке) на более жесткую по инициативе Сиснероса. Восстание, вспыхнувшее в Альбайсине в 1499 году и распространившееся в Альпухаррах, было подавлено в 1501 году: побежденных мусульман поставили перед выбором – крещение или изгнание. В отчете Сиснероса было сказано, что в Гранаде не осталось ни одного мусульманина, а все мечети превратились в церкви; как сообщает анонимный автор, *стал весь ал-Андалус христианской страной, и не осталось там никого кто говорил бы – «Нет бога кроме Аллаха, Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) – посланник Аллаха», кроме тех, кто произносил это про себя, в сердце своем или скрывая от людей*⁴⁰³. Восстания прокатились и по другим областям страны, но все они не были организованными, и властям не составляло труда их подавить. Гонения, дискриминация, слежка и подозрения стали постоянными спутниками *новых христиан из мавров*, даже приняв христианство, они попадали под церковное следствие: обвинения в ереси влекли за собой жесткие штрафы, заключение, конфискацию имущества, изгнание и смертную казнь. Однако меры, проводимые с целью христианизации населения, не приносили ожидаемого успеха: новообращенные христиане – мориски втайне исповедовали ислам (криптоислам). Наряду с фетвами муфтия Феса ал-Ваншарйсь (ум. 1508 г.), который был крайне обеспокоен возможными негативными последствиями происходящего для религии мусульман и, понимая, что, теряя язык, они утратят и свою религиозную самобытность, призывал мусульман к безоговорочной эмиграции, провозглашая переселение долгом, который незамедлительно следует исполнить, существовала и альтернатива. В 1504 году появилась фетва муфтия из Орана Ахмада б. Абй Джум'а ал-Магрāvй ал-Вахрāнй (ум. 1511 г.), которая легализовала практику сокрытия веры (*тақиййа*). Ее арабский оригинал и копии на *алхамьядо*⁴⁰⁴ распространились в различных регионах королевства, что свидетельствует в пользу ее важности для криптомусульман Испании вплоть до их окончательного изгнания в 1609 году. *Тақиййа* позволяла мусульманам не соблюдать исламские обряды и внешне демонстрировать принадлежность к католицизму при условии, что в сердце человека сохранялась искренняя приверженность исламу.

Разумеется, Церкви было об этом известно, и проводимые меры в отношении морисков — «недобитых остатков побежденных иноверцев, которым из милости разрешили проживать на землях христиан»⁴⁰⁵, все больше ужесточались; все новые и новые запреты были направлены не только против религии морисков, а против всех проявлений их традиционной культуры. Мориски не только были подвержены крайним лишениям, они должны были полностью отказаться от своей идентичности — от убеждений и обычаев, традиций и ритуалов даже бытового уровня, а также от устного и письменного использования арабского языка под угрозой смерти. Несмотря на проверки, досмотры и доносы, они продолжали «цепляться за все, что еще осталось от прежней жизни, ностальгию по которой они испытывали особенно сильно»⁴⁰⁶.

---

⁴⁰¹ *Нубзат ал-'аср*, с. 44.

⁴⁰² Ланда, с. 39.

⁴⁰³ *Нубзат ал-'аср*, с. 44.

⁴⁰⁴ Aljamiado, aljamiá.

⁴⁰⁵ Ланда, с. 139.

⁴⁰⁶ Ланда, с. 140.

История мударов и впоследствии морисков ставит два последовательных вопроса: почему к определенному моменту времени на территориях, которые вошли в состав Кастильской короны, прекратилась возможность сосуществования представителей различных религий (изгнание евреев в 1492 году, принудительное обращение мусульман после 1499 года) и почему в 1609 году был обнародован и приведен в исполнение эдикт Филиппа III об изгнании всех морисков из Испании. В рамках данного исследования последует только рассмотрение первого вопроса.

Все исследователи сходятся во мнении, что эти события знаменуют собой кульминационный момент новой религиозной политики, разработанной католическими монархами, подлинно современной и противоположной типично средневековой политике, осуждавшей применение силы для обращения мусульман в христианство⁴⁰⁷. Сосуществование двух сообществ было возможным еще недавно на территориях Кастилии и Арагона и было регламентировано средневековыми положениями, которые регулировали обращение мусульман в христианство: так, в постановлении Альфонсо X мы читаем следующее: *«Посредством добрых слов и соответствующей проповеди христиане должны работать над обращением мавров, чтобы заставить их поверить в нашу веру и привести их к ней, а не силой или вознаграждением»*⁴⁰⁸. При католических монархах были заложены основы для перехода от сословной монархии к абсолютной⁴⁰⁹. В последние десятилетия XV века мы являемся свидетелями зарождения эпохи, в которой сильная тенденция правительств к осуществлению централизованной и авторитарной власти определяла то, что князья и политические лидеры искали в идейной однородности своих подданных одну из главных основ для осуществления контроля над ними, то, что они считали необходимым для достижения социальной сплоченности в соответствии с их критериями⁴¹⁰. Таким образом, модель национального государства раннего Нового времени начала заменять более раннюю плюралистическую модель государства и религии. В новом дискурсе, который превозносил религиозное и политическое единство в ущерб религиозному многообразию, иудаизм и ислам должны были исчезнуть⁴¹¹. Религиозная конфронтация усилилась в Испании, которая, будучи самой терпимой христианской страной в средние века, в XV веке стала самой фанатично нетерпимой⁴¹². Иберия раннего Нового времени стала обществом, характеризующимся насаждением единой религии⁴¹³. Испания трех религий подошла к концу⁴¹⁴. Таким образом, был сделан последний шаг в преобразовании – с этнорелигиозной точки зрения – плюралистического общества, существовавшего на полуострове в средние века, в общество, в котором господствовала единая религия⁴¹⁵. Таким образом, все это сначала в Кастилии, а позже и в других владениях монархии, ранее, чем на территориях остальной Европы - привело к инициированию процесса отвержения «другого» — в данном случае отождествленного с исламом, явление, которое имело такие трагические последствия в истории Европы Нового времени⁴¹⁶. Жажда религиозного единства, кульминацией которой станет Контрреформация, вызванная ересями и расколами, которые европейский христианский мир переживал с начала пятнадцатого века, единства, которое представляло собой идеал с

---

⁴⁰⁷ Pérez García, с. 667.

⁴⁰⁸ Pérez García, с. 667, № 31.

⁴⁰⁹ Marín López, 2000, с. 663.

⁴¹⁰ Cortés Peña, 2004, с. 45.

⁴¹¹ Wiegers, с. 520.

⁴¹² Lea, 2001, с. 93.

⁴¹³ García-Arenal, Rodríguez Mediano, 2013, с. 2.

⁴¹⁴ Vincent, 1992, с. 9.

⁴¹⁵ García-Arenal, Rodríguez Mediano, 2013, с. 3.

⁴¹⁶ Cortés Peña, 2004, с. 33.

тех пор, как Церковь и государство объединились в IV веке и стало законом в Европе в XVI и XVII веках. Обращение мусульман Гранады было захвачено этим течением, которое вышло далеко за рамки простой конфронтации с исламом⁴¹⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

Первоисточники:

1. GARRIDO ATIENZA, M. *Las capitulaciones para la entrega de Granada*. Ed. facsímil. Granada: Universidad de Granada, 1992.
2. AL-MAQQARĪ AL-TILIMSĀNĪ, Aḥmad b. Muḥammad. *Nafḥ al-ṭīb min guṣn al-Andalus al-raṭīb*. Vol. IV. Beirut: Dār Ṣādir, 1968.

---

⁴¹⁷ Galán Sánchez, 2021, с. 513.

3. AL-MAQQARĪ AL-TILIMSĀNĪ, Aḥmad b. Muḥammad. *Azhār al-riyāḍ fī akhbār ‘Īyād*. Vol. I. Rabat, 1978.

4. MÜNZER, Jerónimo. *Viaje por España y Portugal en los años 1494 y 1495*. Versión del latín por Julio Puyol. Edición digital a partir de Boletín de la Real Academia de la Historia, tomo 84 (1924), pp. 32-119.

5. *Nubdat al-‘aṣr fī ajbār mulūk Banī Naṣr aw taslīm Ġarnāṭa wa nuzūh al-andalusiyyīn ilā-l-Maġrib*. Ed. A. Bustani. Cairo: Maktaba al-taqāfa al-dīniyya, 2002. Traducción castellana: Fragmento de la época sobre noticias de los Reyes Nazaritas o capitulación de Granada y emigración de los andaluces a Marruecos. Alfredo Bustani, D. Carlos Quirós. Larache (Marruecos): Artes gráficas Bosca, 1940.

6. *Relación de Hernando de Baeza sobre el Reino de Granada. Historia de los Reyes Moros de Granada*. El Ms. 633 de la Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University. Juan Pablo Rodríguez Argente del Castillo, Teresa Tinsley, José Rodríguez Molina. El ojo de Poe: Asociación cultural Enrique Toral y Pilar Soler, 2018.

7. DE SOSA, Fernando. *Sermón que predico Fernando de Sosa en la Yglesia mayor de Granada, en dos de Enero de 1621 a la solmnissima fiesta, por auer entregado los Moros esta ciudad al Catholico Rey don Fernando*. Impreso por Pedro Boliuar y Francisco Heylan. Granada, 1621.

<https://archive.org/details/A11103013/mode/2up>

Монографии:

1. BARLETTA, Vincent. *Covert gestures. Crypto-Islamic literature as cultural practice in early modern Spain*. Minneapolis-London: University of Minnesota Press, 2005.

2. BARRIOS AGUILERA, Manuel. *La convivencia negada. Historia de los moriscos del Reino de Granada*. 2ª ed. Granada: editorial COMARES, 2007.

3. CHEJNE, Anwar G. *Historia de España Musulmana*. 3ª ed. Madrid: Ediciones Cátedra, 1993.

4. CHEJNE, Anwar G. *Islam and the West. The Moriscos: a cultural and social history*. Albany: State University of New York Press, 1983.

5. CHEJNE, Anwar G. *Muslim Spain. It's history and culture*. 1ª ed. Minneapolis-London: University of Minnesota Press, 1974.

6. COLEMAN, David. *Creating Christian Granada. Society and Religious Culture in an Old-World Frontier City, 1492-1600*. Ithaca-London: Cornell University Press, 2003.

7. CONDE, J. A. *Historia de la dominación de los árabes en España, sacada de varios manuscritos y memorias arábicas*. Paris: Baudy, 1840.

8. CORTÉS PEÑA, Antonio Luis, VINCENT, Bernard. *Historia de Granada. III. La época moderna. Siglos XVI, XVII y XVIII*. Granada: editorial Don Quijote, 1987.

9. DOMÍNGUEZ ORTIZ, Antonio; VINCENT, Bernard. *Historia de los moriscos. Vida y tragedia de una minoría*. Madrid: Alianza Editorial, 1993.

10. EGUÍLAZ YÁNGUAS, D. Leopoldo de. Reseña histórica de la conquista del Reino de Granada por los Reyes Católicos según los cronistas árabes. 2ª ed. Granada: Tip. Hospital de Santa Ana, 1894.
11. GARCÍA-ARENAL, Mercedes, RODRÍGUEZ MEDIANO, Fernando. The Orient in Spain. Converted Muslims, the Forged Lead Books of Granada, and the Rise of Orientalism. Traducción de Consuelo López-Morillas. Leiden-Boston: Brill, 2013.
12. HARRIS, A. Kattie. From Muslim to Christian Granada: Inventing a City's Past in Early Modern Spain. Baltimore-Maryland: The Johns Hopkins University Press, 2007.
13. HARVEY, L. P. Islamic Spain, 1250 to 1500. Chicago: The University of Chicago Press, 1990.
14. HARVEY, L. P. Muslims in Spain, 1500 to 1614. Chicago: The University of Chicago Press, 2005.
15. LÓPEZ-GUADALUPE MUÑOZ, Miguel Luis, SÁNCHEZ-MONTES GONZÁLEZ, Francisco. Historia de Granada. Memoria de una ciudad. Córdoba: Almuzara, 2017.
16. ʿINĀN, Muḥammad ʿAbdallāh. Dawlat al-islām fi-l-Andalus. al-ʿAṣr al-rābiʿ: nihāyat al-Andalus wa taʾrīj al-ʿarab al-mutanaṣṣirīn. 4ª ed. Cairo: Maktaba al-Jāniyī, 1997.
17. ЛАНДА, Р. Г. Судьба морисков. М.: ИВ РАН, 2013.
18. LEA, Henry Charles. Los moriscos españoles. Su conversión y expulsión. 2ª ed. Estudio preliminar y notas de Rafael Benítez Sánchez-Blanco. Alicante: Publicaciones de la Universidad de Alicante, 2001. Edición electrónica: Espagrafic.
19. LONGÁS, Pedro. Vida religiosa de los moriscos. Madrid: Imprenta Ibérica, 1915.
20. PEINADO SANTAELLA, Rafael G. Los inicios de la resistencia musulmana en el reino de Granada (1490-1515). Granada: Fundación Pública Andaluza “El legado andalusí”, 2011.
21. PEINADO SANTAELLA, Rafael G., LÓPEZ DE COCA CASTAÑER, José Enrique. Historia de Granada. II. La época medieval. Siglos VIII-XV. Granada: editorial Don Quijote, 1987.
22. ПЕРЕС, Жозеф. Изабелла Католичка. Образец для христианского мира? Санкт-Петербург: Евразия, 2012. <https://coollib.com/b/254312/read#r28> 09.10.2023
23. SHAH-KAZEMI, Reza. The spirit of tolerance in Islam. London: I.B. Tauris Publishers, 2012.
24. VILAR SÁNCHEZ, Juan Antonio. 1492-1502, una década fraudulenta. Historia del reino cristiano de Granada desde su fundación, hasta la muerte de la reina Isabel la Católica. Granada: Alhulia, 2004.
25. VINCENT, Bernard. 1492: “El año admirable”. Trad. castellana de Antonio Gil Ambrona. Barcelona: Editorial Crítica, 1992.

Статьи:

1. BALOUP, Daniel. «Granada and Castile: A Long Conflict» // Handbook of Oriental Studies. Section one. The Near and Middle East. Volume 148. The Nasrid Kingdom of Granada between

- East and West (Thirteenth to Fifteenth Centuries). Ed. Adela Fábregas. Tr. Consuelo López-Morillas. Leiden-Boston: Brill, 2021, pp. 441-466.
2. BERNABÉ-PONS, Luis F. «Taqiyya, niyya y el islam de los moriscos» // *Al-Qantara*, XXIV, 2 (julio-diciembre, 2013), pp. 491-527.
  3. BOLOIX GALLARDO, Bárbara. «The Banū Naṣr: The Founders of the Nasrid Kingdom of Granada (Thirteenth–Fifteenth Centuries)» // *Handbook of Oriental Studies. Section one. The Near and Middle East. Volume 148. The Nasrid Kingdom of Granada between East and West (Thirteenth to Fifteenth Centuries)*. Ed. Adela Fábregas. Tr. Consuelo López-Morillas. Leiden-Boston: Brill, 2021, pp. 39-72.
  4. CALATRAVA, Escobar Juan. «Ciudad y contrarreforma: Granada como Christianopolis en la obra de Francisco Bermúdez de Pedraza» // Enrico Iacchello – Paolo Mlitello (eds.). *Il Mediterraneo delle città*. Milán: Franco Angeli, 2010, pp. 155-167.
  5. CARRASCO GARCÍA, Gonzalo. «Huellas de la sociedad musulmana granadina: la conversión del Albayzín (1499-1500)» // *la España Medieval*, vol. 30, 2007, pp. 335-380.
  6. CHEDDADI, Abdelkhalek. «Émigrer ou rester?» // *Cahiers de la Méditerranée*, 79, 2009, pp. 31-50. <https://journals.openedition.org/cdlm/4903>
  7. CORTÉS PEÑA, Antonio Luis. «Musulmanes y cristianos; La imposibilidad de una convivencia» // *Arbor*, CLXXVIII, 701 (Mayo 2004), pp. 31-52.
  8. CORTÉS PEÑA, Antonio Luis. «La emigración de los musulmanes granadinos (1482-1502), primer acto de una trágica ruptura» // Claudia Moatti, Wolfgang Kaiser, Christophe Pébarthe (dir.). *Le monde de l'itinérance*. Ausonius Éditions, 2009. <https://books.openedition.org/ausonius/1803>
  9. DELGADO PÉREZ, María Mercedes. «A Newly Discovered Manuscript of the Historia de los Reyes Moros de Granada by Hernando de Baeza» // *Manuscript Studies. A Journal of the Schoenberg Institute for Manuscript Studies*. Vol. 2 [2018], Iss. 2, Art. 11, pp. 540-594.
  10. EISENBERG, Daniel. «Cisneros y la quema de los manuscritos granadinos» // *Journal of Hispanic Philology*, 16, 1992 [1993], pp. 107-124.
  11. EL ERIAN EL BASSAL, Hany. «Casida de un morisco anónimo para el sultán otomano» // *Sharq al-Andalus*, 20 (2011-2013), pp. 507-521.
  12. GALÁN SÁNCHEZ, Ángel. «Los vencidos: exilio, integración y resistencia» // Rafael Gerardo Peinado Santaella (ed.). *Historia del Reino de Granada. I. De los orígenes a la época mudéjar (hasta 1502)*. Granada, 2000, pp. 525-565.
  13. GALÁN SÁNCHEZ, Ángel. «An Old Society. Mudejar Neighbors: New Perspectives» // *Handbook of Oriental Studies. Section one. The Near and Middle East. Volume 148. The Nasrid Kingdom of Granada between East and West (Thirteenth to Fifteenth Centuries)*. Ed. Adela Fábregas. Tr. Consuelo López-Morillas. Leiden-Boston: Brill, 2021, pp. 495-518.
  14. GARCÍA SANJUÁN, Alejandro. «Del dār al-Islām al dār al-harb: la cuestión mudéjar y la legalidad islámica» // Congreso conmemorativo del 750 aniversario de la Toma de Carmona. Carmona: Diputación de Sevilla, 1998, pp. 177-188.
  15. GARCÍA-ARENAL, Mercedes. «Taqiyya: disimulo legal» // *Al-Qantara*, XXXIV, 2 (juliodiciembre 2013), pp. 345-355.

16. GRANJA SANTAMARÍA, Fernando de la. «Condena de Boabdil por los alfaquíes de Granada» // Fernando de la Granja Santamaría. *Estudios de historia de al-Andalus*. Madrid: Real Academia de la historia, 1999, pp. 291-326; *al-Andalus*, XXXVI, 1971, pp. 145-176.
17. HANNA, Sami A. «An anonymous andalusian elegy on the war of Granada» // *Asian and African studies*, 9, 2000, 1, pp. 51-56.
18. HARRIS, A. Katie. «Sacred landscape in early modern Granada. Muslim past and Christian present» // Eric Nelson, Jonathan Wright (ed.). *Layered Landscapes. Early Modern Religious Space Across Faiths and Cultures*. London: Routledge, 2017. <https://books.google.co.uk/books?id=-TUIDwAAQBAJ&pg=PT52&lpg=PT52&dq=Sacred+Landscape+in+Early+Modern+Granada:+Muslim+Past+and+Christian+Present+A.+Katie+Harris&source=bl&ots=5-Dx0tjzWH&sig=ACfU3U2dLPgNqOSBj2fZ5fZYveHXYEYSBA&hl=ar&sa=X&ved=2ahUK EwiJuePN59brAhXmJDQIHfx7DfgQ6AEwCXoECAoQAQ#v=onepage&q=Sacred%20Landscape%20in%20Early%20Modern%20Granada%3A%20Muslim%20Past%20and%20Christian%20Present%20A.%20Katie%20Harris&f=false>
19. LADERO QUESADA, Miguel Angel. «Mudéjares y repobladores en el Reino de Granada (1485-1501)» // *Cuadernos de historia moderna*, 13, 1992, pp. 47-72.
20. LATHAM, J.D. *Nasrids // The Encyclopaedia of Islam*. New ed. Volume VII. Leiden-New York: E.J. Brill, 1993, pp. 1020-1028.
21. LÓPEZ DE COCA CASTAÑER, José Enrique. «Reacción del mundo islámico ante la caída del Reino de Granada». https://www.webislam.com/articulos/66320-reaccion_del_mundo_islamico_ante_la_caida_del_reino_de_granada.html
22. LÓPEZ DE COCA CASTAÑER, José Enrique. «La “Conversion General” Del Reino De Granada (1499-1501)» // Fernando II de Aragón, el rey Católico. *Institución Fernando el Católico*, 1996, pp. 519-538.
23. LÓPEZ DE COCA CASTAÑER, José Enrique. «La conquista de Granada: el testimonio de los vencidos» // *Nobra. Revista de Historia*, Vol. 18, 2005, pp. 33-50.
24. LÓPEZ DE COCA CASTAÑER, José Enrique. «Las capitulaciones y la Granada mudejar» // M. A. Ladero Quesada (éd.). *La incorporación de Granada a la Corona de Castilla. Actas del symposium conmemorativo del Quinto Centenario*. Granada: Diputación Provincial, 1993, pp. 263-305.
25. MARÍN GUZMÁN, Roberto. «Las fuentes árabes para la reconstrucción de la historia social de la España musulmana: estudio y clasificación» // *Estudios de Asia y África*, Vol. 39, núm. 3 (125), (septiembre-diciembre, 2004), pp. 513-572. <https://estudiosdeasiayafrika.colmex.mx/index.php/ea/article/view/1797/1797>
26. MARÍN LÓPEZ, Rafael. «La Iglesia y el encuadramiento religioso» // Rafael Gerardo Peinado Santaella (ed.). *Historia del Reino de Granada. I. De los orígenes a la época mudéjar (hasta 1502)*. Granada, 2000, pp. 661-686.

27. DEL MORAL, Celia. «La última misiva diplomática de al-Andalus: la risala de al-‘Uqayli, enviada por Boabdil al sultán de Fez en demanda de asilo» // Celia del Moral (ed.). En el epílogo del islam andalusí: la Granada del siglo XV. Granada: al-Mudun, 2002, pp. 201-259.
28. PEINADO SANTAELLA, Rafael Gerardo. «La Granada mudéjar y la génesis del régimen municipal castellano» // *Chronica Nova*, 28, 2001, pp. 357-399.
29. PEINADO SANTAELLA, Rafael Gerardo. «La pérdida del emirato nazarí en las fuentes árabes: el imaginario de la derrota» // Estudios en homenaje al profesor José Szmolka Clares. Granada: Editorial Universidad de Granada, Campus Universitario de Cartuja, 2005, pp. 459-475.
30. PEINADO SANTAELLA, Rafael Gerardo. «La sociedad repobladora: el control y la distribución del espacio» // Rafael Gerardo Peinado Santaella (ed.). Historia del Reino de Granada. I. De los orígenes a la época mudéjar (hasta 1502). Granada, 2000, pp. 477-524.
31. PEINADO SANTAELLA, Rafael G. «A New Society: The Castilians» // Handbook of Oriental Studies. Section one. The Near and Middle East. Volume 148. The Nasrid Kingdom of Granada between East and West (Thirteenth to Fifteenth Centuries). Ed. Adela Fábregas. Tr. Consuelo López-Morillas. Leiden-Boston: Brill, 2021, pp. 467-494.
32. PELÁEZ ROVIRA, Antonio. «Political Structures» // Handbook of Oriental Studies. Section one. The Near and Middle East. Volume 148. The Nasrid Kingdom of Granada between East and West (Thirteenth to Fifteenth Centuries). Ed. Adela Fábregas. Tr. Consuelo López-Morillas. Leiden-Boston: Brill, 2021, pp. 73-99.
33. PÉREZ GARCÍA, Rafael M. «El problema del Islam en la Sevilla del descubrimiento, 1492-1502: Polémica teológica y política religiosa» // Comunicación en congreso. VII Estudios de Frontera. Congreso Internacional en Homenaje a Doña Mª Jesús Viguera. Alcalá la Real (Jaén), 2008, pp. 659-680.
34. POUTRIN, Isabelle. «Los Derechos De Los Vencidos: Las Capitulaciones De Granada (1491)» // *Sharq al-Andalus*, 19 (2008-2010), pp. 11-34.
35. QUESADA MORILLAS, Yolanda. «Los moriscos del Reino de Granada: su expulsión y el consejo de población» // Revista Electrónica de la Facultad de Derecho de la Universidad de Granada (www.refdugr.com), fecha de publicación: 30 de octubre de 2008, pp. 1-27.
36. REMENSNYDER, Amy G. «Beyond Muslim and Christian: The Moriscos’ Marian Scriptures» // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*, 41:3. Duke University Press, 2011, pp. 545-576.
37. RODRÍGUEZ MOLINA, José. «Libre determinación religiosa en la Frontera de Granada» // II Estudios de Frontera, Francisco Toro, José Rodríguez, eds. Jaén: Diputación provincial de Jaén, 1998, pp. 693-707.
38. RUBIO, Diego. «La taqiyya en las fuentes cristianas: indicios de su presencia entre los moriscos» // *Al-Qantara*, XXXIV, 2, (julio-diciembre 2013), pp. 529-546.
39. RUIZ POVEDANO, José María. «Las ciudades y el poder municipal» // Rafael Gerardo Peinado Santaella (ed.). Historia del Reino de Granada. I. De los orígenes a la época mudéjar (hasta 1502). Granada, 2000, pp. 611-660.
40. SABBAGH, Leila. «La religión des Moriscos entre deux fatwas» // Actes de la table ronde internationale Les Morisques et leur temps. Paris: éd. CNRS, 1983, pp. 43-56.

41. SÁNCHEZ-MONTES GONZÁLEZ, Francisco. «La Granada mudéjar, notas sobre una ciudad en cambio» // Estudios en homenaje al profesor José Szmolka Clares. Granada: Editorial Universidad de Granada, Campus Universitario de Cartuja, 2005, pp. 477-485.
42. SÁNCHEZ-MONTES GONZÁLEZ, Francisco. «Y aunque ya faltan sus reyes, su Gran Majestad les basta: Granada capital en el siglo XVII» // Rosella Cancila (ed.). Capitali senza nella Monarchia spagnola. Identità, relazioni, immagini (secc. XVI-XVIII), Quaderni Mediterranea – ricerche, 36 (2020) ed. Università Degli Studi di Palermo, Città di Palermo, Red Columnaria y Fondazione Sicilia, Palermo (Italia), 2 vols., 2 vol., pp. 320-338.
43. SCOTTO, Davide. «“Neither through Habits, nor Solely through Will, but through Infused Faith”: Hernando de Talavera’s Understanding of Conversion» // Forced Conversion in Christianity, Judaism and Islam. Coercion and Faith in Premodern Iberia and Beyond. Ed. Mercedes García-Arenal, Yonatan Glazer-Eytan. Leiden-Boston: Brill, pp. 291-327.
44. STEWART, Devin. «Dissimulation in Sunni Islam and Morisco Taqiyya» // Al-Qantara, XXXIV, 2 (julio-diciembre de 2013), pp. 439-490.
45. STEWART, Devin. «The identity of “The Mufti of Oran”, Abu l-‘Abbas Ahmad b. Abu Jum‘ah al-Maghrawi al-Wahrani (d. 917/1511)» // Al-Qantara, XXVII, 2 (julio-diciembre de 2006), pp. 265-301.
46. TORRES DELGADO, Cristóbal. «El Reino Nazarí de Granada (S. XIII-XV)». // M. A. Ladero Quesada (éd.). La incorporación de Granada a la Corona de Castilla. Actas del symposium conmemorativo del Quinto Centenario. Granada: Diputación Provincial, 1993, pp. 747-777.
47. VAN KONINGSVELD, P. S., WIEGERS, G. A. «An appeal of the moriscos to the Mamluk sultan and its counterpart to the Ottoman court: textual analysis, context, and wider historical background» // Al-Qantara, XX, 1 (1999), pp. 161-189.
48. VÉLAZQUEZ BASANTA, Fernando Nicolás. «La relación Histórica sobre las postrimerías del reino de Granada, según Aḥmad al-Maqqarī (s. XVII)» // Celia del Moral (ed.). En el epílogo del islam andalusí: la Granada del siglo XV. Granada: al-Mudun, 2002, pp. 481-554.
49. VIDAL CASTRO, Francisco. Muḥammad XI.
<https://dbe.rah.es/biografias/7510/muhammad-xi>
50. VIDAL CASTRO, Francisco. Abū l-Ḥasan ‘Alī. Muley Hacén.
<https://dbe.rah.es/biografias/4817/abu-l-hasan-ali>
51. VIGUERA MOLÍNS, María Jesús, «Fuentes árabes alrededor de la guerra de Granada» // M. A. Ladero Quesada (éd.). La incorporación de Granada a la Corona de Castilla. Actas del symposium conmemorativo del Quinto Centenario. Granada: Diputación Provincial, 1993, pp. 419-439.
52. VINCENT, Bernard. «De la Granada mudéjar a la Granada europea» // M. A. Ladero Quesada (éd.). La incorporación de Granada a la Corona de Castilla. Actas del symposium conmemorativo del Quinto Centenario. Granada: Diputación Provincial, 1993, pp. 307-319.
53. VIÑES MILLET, Cristina. «El urbanismo».
<http://canales.ideal.es/especiales/carlosV/urbanismo.html>

54. VIÑES MILLET, Cristina. «Jerónimo Münzer y los inicios de la Granada cristiana» // Estudios en homenaje al profesor José Szmolka Clares. Granada: Editorial Universidad de Granada, Campus Universitario de Cartuja, 2005, pp. 525-533.
55. WIEGERS, Gerard. «The Christianization of the Mudejars of Granada and the Persistence of Islam after the Expulsion of the Moriscos from Spain (1492–ca. 1730)» // Handbook of Oriental Studies. Section one. The Near and Middle East. Volume 148. The Nasrid Kingdom of Granada between East and West (Thirteenth to Fifteenth Centuries). Ed. Adela Fábregas. Tr. Consuelo López-Morillas. Leiden-Boston: Brill, 2021, pp. 519-545.
56. Zekri, Hamza. «El proceso de integración de la aristocracia nazarí (ss. XV-XVIII): entre los partidarios de la aculturación y los defensores de la identidad morisca» // Minorías en la España medieval y moderna (siglos XV al XVII) Minorities in Medieval and Early Modern Spain (15th-17th c.) Vivir en Minorías en España y América (siglos XV al XVIII) Rica Amrán & Antonio Cortijo Ocaña eds. Santa Barbara: Publications of eHumanista, 2017, pp. 129-139.
57. ŽENKA, Josef. «Las notas manuscritas como fuente sobre la Granada del siglo XV: la gran inundación del año 1478 en un manuscrito escurialense» // Miscelánea de Estudios Árabes y Hebraicos, 66 (2017), pp. 285-298.
58. ZOMEÑO, Amalia. «Islamic Law and Religion in Nasrid Granada» // Handbook of Oriental Studies. Section one. The Near and Middle East. Volume 148. The Nasrid Kingdom of Granada between East and West (Thirteenth to Fifteenth Centuries). Ed. Adela Fábregas. Tr. Consuelo López-Morillas. Leiden-Boston: Brill, 2021, pp. 100-123.